

The background of the cover is a detailed illustration of two elves in a forest. On the left, a fire burns brightly, casting a warm orange glow. Two elves are engaged in a sword fight in the center. The elf on the left has long, flowing blonde hair and wears a dark, ornate tunic with a red cape. The elf on the right has long, flowing silver hair and wears a light-colored, ornate tunic with a red cape. They are both holding long, slender swords. The forest around them has dark, gnarled trees and some autumn-colored leaves. The overall mood is dramatic and epic.

КОРОЛЕВСКИЕ СОКОЛЫ

16+

АЛАН ЧАРОИТ

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

Королевские Соколы

Алан Чароит

Время испытаний

«Автор»

2018

Чароит А.

Время испытаний / А. Чароит — «Автор», 2018 — (Королевские Соколы)

Продолжение книги «Эльфийский подменыш». Юные чародеи с мельницы готовятся к посвящению и Зимней битве. Но старый враг, которого опасаются даже наставники, не дремлет. Чтобы противостоять ему, придётся раскрыть множество старых тайн...

© Чароит А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Белый Сокол	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	24
Глава четвёртая	33
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алан Чароит

Время испытаний

Белый Сокол

Глава первая

Заспанные и хмурые Соколята выстроились у входа, чтобы встретить командира. Их было всего четверо, не семеро, как раньше. И у всех был тот ещё видок. Джеримэйн с Орсоном напоминали то ли записных гуляк, возвращающихся утром из таверны, то ли бродяг, которым уже давно не улыбалась удача. Розмари не успела прибрать волосы, и теперь на ветру её причёска напоминала одуванчиковый пух. Вдобавок на её шали прямо на плече красовалась дыра размером с ладонь. Что же до Элмерика, хватало и того, что его нога была в лубках, и ему приходилось опираться о палку, чтобы стоять прямо.

– М-да... вряд ли мастер Каллахан будет рад такому пополнению отряда, – усмехнулся Джеримэйн, обводя товарищей взглядом. Вопреки обыкновению, веселья в его голосе не было. – Разгонит нас всех – и поделом.

– Позор-р-р! – согласился Бран.

Элмерику очень хотелось попросить Джеримэйна заткнуться, но язык не поворачивался. Он понимал, что тот волнуется. Возможно, даже больше остальных. А ну как их и правда выгонят? Никто из Соколят не смог бы уже вернуться домой и жить обычной жизнью. Не зря говорят: стоит лишь прикоснуться к тайному знанию, узнать, каково это – быть чародеем, и прежним ты уже не станешь.

Конечно, по уговору им должны были выплачивать жалованье аж до самого лета, но теперь это казалось слабым утешением – не более чем жалкой подачкой. А подачки Элмерик принимать не любил.

– Эй, рыжий, смотри в оба – сейчас мечта твоя сбудется, настоящего эльфа увидишь! – не умолкал Джеримэйн.

– Спасибо, насмотрелся уже! Было бы чем любоваться!

Воспоминания о Брендалине нахлынули весьма некстати, и Элмерик совсем скис. Конечно, он соврал: в эльфийском облике его невеста... бывшая невеста была ещё прекраснее. Но вот душа её оказалась с гнильцой. Каким же глупцом он был! А что поделать: любовь ослепляет. Сейчас он готов был полжизни отдать, чтобы событий минувшей ночи никогда не случалось: Брендалине не предавала, Мартин не умирал, Келликейт его не убивала...

Если бы командир приехал хотя бы пару дней назад, Элмерик бы орал от счастья. Но сейчас ему вообще не хотелось видеть эльфов, будь они все хоть трижды распрекрасные. Он и людей предпочёл бы не видеть. Но в ближайшие дни одиночество ему не светило.

– Едут! Едут! – звонко вскричала над ухом Розмари, и в тот же миг из тумана показались три всадника. Кони шли рысью и быстро приближались.

“Даже смотреть не буду” – решил Элмерик. Но любопытство всё же взяло верх, и он поднял взгляд.

В середине процессии на белоснежном жеребце (такие по легендам встречаются только у жителей холмов и не позволяют смертному даже прикоснуться к себе – не то что вскочить на спину) ехал высоченный эльф в алом плаще, отороченном серебристо-серым мехом. Его седые – а может, от рождения белые – волосы были заплетены в длинные косы, открывающие виски и высокий лоб. Конь Каллахана О’Ши никогда не знал седла и поводьев, но всаднику это

ничуть не мешало. При нём не было ни хлыста, ни шпор на высоких кожаных сапогах. Одной рукой он держался за гриву скакуна, вторая же покоилась на поясе, украшенном чеканными бляшками белого металла.

Справа от эльфа ехал уже знакомый Элмериду рыцарь Сентября. Нижнюю часть его лица по-прежнему закрывала маска. Туго заплетённая коса то и дело била по плечам, когда он привставал на стременах. Во всей его позе чувствовалось немалое напряжение, копившееся не день и не два. Похоже, он едва сдерживался, чтобы не пустить коня в галоп.

Третий всадник по левую руку от Каллахана заставил Элмерика вздрогнуть – очень уж он напоминал Мартина. Но, присмотревшись, бард понял свою ошибку. Прежде он никогда не видел мастера Патрика без аптекарской шапочки и трости. Теперь же сходство не заметил бы разве что слепой: то же сложение, тот же цвет волос только с проседью, те же черты...

– Уф, обознался. Думал, крыша у меня едет, – Джеримэйн явно думал о том же.

– Смир-р-рно! – рявкнул Бран, пресекая болтовню.

Элмерик выпрямил спину и крепче ухватился за свой костыль. Остальные тоже подтянулись.

Всадники спешили у ворот, и мастер Флориан принял поводья из рук спутников Каллахана О'Ши. К белоснежному коню он даже не думал прикасаться. Впрочем, в этом не было необходимости: тот сам пошёл в стойло, хотя его хозяин не проронил ни слова.

– С пр-р-риездом!

Эльф слегка поморщился от оглушительного карканья и кивнул, после чего глянул на четверых Соколят, забывших, как дышать, под его оценивающим взглядом. Лицо казалось обманчиво молодым, но светлые, почти прозрачные глаза смотрели холодно и цепко.

Элмерик почувствовал, как по спине пробежали мурашки, а ладони вмиг вспотели от страха. Такое бывало, когда строгий отец отчитывал его. Но мастер Каллахан отчитывать никого не стал, лишь покачал головой. Вблизи стал заметен старый шрам, который пересекал его лоб, подобно венцу.

– Не буду лукавить: я иначе представлял себе нашу встречу. И всё же рад знакомству, – голос эльфа оказался на удивление мелодичным. – Я знаю всех вас, вы знаете, кто я такой, так что опустим формальности и перейдём к делу. Только давайте сделаем это в тепле.

Мастер Патрик распахнул перед ним дверь, и Каллахан проследовал внутрь. Следом вошёл рыцарь Сентября, а Соколята остались ждать, пока мастер Флориан вернётся с конюшни. Заходить в дом прежде учителя сейчас казалось им вопиющим нарушением этикета.

– Какой он высокий! – восхищённо выдохнул Орсон.

– Что, нечасто встречаешь кого-то, кто может взглянуть на тебя сверху вниз? – хохотнул Джеримэйн. – Да будь он ростом с кота, у него всё равно бы получилось! Смотрит – ну чисто как король на вошь! Того и гляди придавит.

– А по моему, он очень красивый, – тихо и мечтательно сказала Розмари, приглаживая складки на платье.

– Вам бы, девчонкам, только на эльфов глядеть! Смотри, утащит тебя в холмы, и поминай как звали! – оскалился Джеримэйн.

– А может, я бы и не отказалась-та! В холмах оно, небось, получше, чем с вами, дуралями! Вино там, говорят, слаще сладкого, яства отменные. И я слыхала, что на балах у фей играют самые лучшие музыканты. Вот где бы я сплясала-та!

Эти слова Элмерика неожиданно задели. Ага, значит, эльфы красивее и музыка у них лучше... ну-ну! Очень хотелось возразить, но он сдержался. Лишь процедил сквозь крепко сжатые зубы:

– Хватит уже болтать! Мастер Флориан возвращается. Услышит, какую чушь ты несёшь, и всем влетит.

– Да влетит-то в любом случае, – Джеримэйн смахнул с перил мокрый снег. – Мало никому не покажется.

И хотя он не имел пророческого дара, дурное предсказание оправдалось сполна.

* * *

– Я не имею обыкновения пугать людей, но хочу, чтобы вы понимали: если ничего не изменится, ни один из вас не увидит, как следующая луна пойдёт на убыль. Потому что все будут мертвы, – голос Каллахана звучал спокойно и даже как-то буднично, но смысл сказанного от этого становился только страшнее – будто эльф не только заранее похоронил и оплакал незадачливых новобранцев, но уже смирился с этой утратой и готов был идти дальше. Глиняная чаша с подогретым вином в его руке казалась наполненной тёмной густой кровью. – Знаю, что и Патрик, и Дэррек, и даже Флориан за короткий срок научили вас всему, чему могли. Но этого мало. Пришло время применять знания, чтобы выжить. Самайн приближается. Поэтому я даю вам последнюю возможность покинуть мельницу и не участвовать в грядущем сражении. Так вы сохраните жизнь. Останетесь – и примете бой, который, возможно, станет для вас последним. Выбор за вами.

Никто из Соколят не пошевелился и даже не посмотрел в сторону двери. Все взоры были обращены к сидящему у камина командиру. Тот выждал немного, после чего одобрительно кивнул:

– Да будет так! Среди вас нет трусов – уже неплохо. Однако смелость от бед не оградит. Четверо недоучек, один из которых вдобавок почти калека. Пока никто из вас не способен закрыть Врата...

– То есть как это не способен?! – Джеримэйн вскочил с места и, поняв свою оплошность, тут же опустил взгляд. – Простите великодушно, мастер Каллахан! Я не должен был перебивать...

Эльф не выглядел ни удивлённым, ни рассерженным, но, когда он встал, Элмерику захотелось втянуть голову в плечи.

– Вижу, в словах мало пользы. Тогда к делу. Я открою Врата прямо сейчас. Попробуйте закрыть их любым из известных способов.

Он отбросил плед на кресло, выставил руки перед собой ладонями вперёд, а потом что-то тихо заговорил. Элмерик узнал певучий эльфийский язык, но не смог разобрать даже отдельных слов. Наверное, какое-то древнее наречие. Неужели мастер Каллахан собирается испытывать их прямо здесь? Даже без обычных предосторожностей, которыми не пренебрегали другие учителя?

А потом все мысли ушли, потому что Врата открылись.

Сперва воздух всколыхнулся и затуманился, мгновением позже послышался звук, похожий на треск рвущейся ткани, и прямо перед носом обомлевшего Элмерика распахнулась тьма. Сердце пропустило удар и ухнуло в пятки, колени предательски задрожали, палка, на которую он опирался, чуть не выскользнула из ослабевших пальцев.

Темнота то и дело вспыхивала голубоватыми искрами, ширилась и пульсировала, норовя заполнить собой всю комнату без остатка. Элмерик невольно отступил, заслоняясь свободной рукой от ледяного ветра – точно такой же дул на мельнице в ночь, когда погиб Мартин. Скрипнув зубами, бард прогнал непрошенные воспоминания. Нужно было сбросить оцепенение. Иначе – смерть.

Краем глаза он заметил, как резво откатился в сторону Джерри. Услышал сдавленный вскрик Розмари и едва различимый за шумом разбушевавшейся стихии голос Орсона:

– Б-болотные бесы! Что за...

В следующий миг Элмерика сбило с ног, протащило по дощатому полу и ударило о противоположную стену так, что хрустнули рёбра. Он с трудом поднял голову и едва поборол желание бежать. Куда угодно – только бы подальше отсюда! Страх заставлял стискивать зубы до боли в челюстях. Недавняя смелость казалась теперь глупой и опрометчивой. Знак Соколов жёг щёку, как будто на кожу попал раскалённый уголь, из глаз катились слёзы. Рядом рыдала Розмари. Орсон ревел раненым медведем, закрывая её собой. Джеримэйна прижало к стене так, что он напоминал мотылька на булавке. Но он сопротивлялся. Что-то выкрикивал, чертил огненные фэды, которые тут же гасли. Нужно было немедленно ему помочь.

Собрав последние силы, Элмерик встал, опираясь на костыль. Мысли металась в беспорядке. Он пробормотал одно заклинание. Потом другое. Ничего не помогало. Врата, казалось, вымораживали весь пригодный для дыхания воздух.

Запоздало Элмерик дотянулся до флейты и поднёс её к губам. Звуки, что вырвались из неё, и музыкой-то было стыдно назвать. Так, писк слепого котёнка. Но тьма неожиданно отступила. Ветер стих, а в комнате посветлело, будто из-за туч вышло солнце. Только тогда бард заметил, что за его правым плечом стоит Сентябрь. Истинным зрением Элмерик успел разглядеть светящиеся нити, которые тянулись прямо из пальцев рыцаря и сплетались в переливающуюся серебром сеть. Резким движением Сентябрь заставил узлы стянуться. Тьма съёжилась в густой комок, и, зашипев, истаяла. В тот же миг исчезла и сама сеть, вспыхнув, как паутинка в пламени осеннего костра.

Элмерик привалился к обындивевшей стене. Счастье, что весь этот ужас остался позади, быстро сменилось горечью поражения. Соколята непременно погибли бы, если бы рыцарь Сентября не пришёл на помощь. Его дикая магия действительно была завораживающей и филигранной – пожалуй, даже Мартин так легко не справился бы.

Только сейчас Элмерик в полной мере осознал, насколько глупыми они были, решив, что сами справятся с эльфийским подменышем. Их самонадеянность обернулась трагедией. Каллахан О'Ши пока не поднимал эту болезненную тему, но Элмерик понимал: однажды этот разговор непременно состоится. И вряд ли он окажется приятным.

– Итак, пока никто из вас не способен закрыть Врата, – продолжил как ни в чём не бывало мастер Каллахан. – Поэтому вынужден огласить новые правила. Отныне мы будем заниматься чарами ежедневно. С каждым разом задания будут всё сложнее – в этом нам поможет Шон.

Он вопросительно глянул на рыцаря Сентября. Тот кивнул и, присев на подлокотник освобожденного кресла, добавил:

– Имейте в виду: нынешние Врата даже в сравнение не идут с теми, что откроются в ноябрьское полнолуние.

Тут Элмерик совсем приуныл. Он и раньше подозревал, что легко не будет, но только теперь понял, насколько разнились его представления и истинное положение дел.

– Страх – вот ваш главный враг! – Каллахан опустил в кресло, возвращаясь к чаше с недопитым вином, наверняка уже безнадежно остывшим. – Это не значит, что вы должны перестать бояться – я не требую невозможного. Но не следует забывать, кто вы такие и что умеете. Сегодня лишь один из вас попытался встать на верный путь, но ему самую малость не хватило решимости.

– Кто? – с надеждой в голосе спросил Элмерик и тут же пожалел о своём неуёмном любопытстве.

Выдержать тяжёлый взгляд не вышло, и он опустил глаза, чтобы в следующий момент снова вскинуть голову, вспыхивая от гнева.

– Уж точно не ты, менестрель!

– Я не менестрель, а бард! – Элмерик не понимал как древний и без сомнения образованный эльф мог так ошибиться.

Вопреки ожиданиям, Каллахан лишь подлил масла в огонь:

– Всякий, кто принадлежит к людям слова, при первых признаках опасности взялся бы за инструмент, чтобы сражаться музыкой, а не дикой магией. Ты же вспомнил о своей флейте, когда было уже слишком поздно. Настоящий бард не допустил бы подобного промаха.

Уже давно Элмерика так не оскорбляли. Но самое худшее – что эльф был прав. И это злило намного больше, чем безжалостные слова.

– В следующий раз я не оплошаю! Вот увидите!

Каллахан недоверчиво усмехнулся, словно уже не раз слышал подобное:

– Ну-ка, скажи, какова главная задача барда в бою?

Элмерик задумался. Но мысли опять разбегались, колени дрожали, а боль в ноге мешала сосредоточиться.

– Зависит от боя, – наконец вымолвил он. – И от противника, конечно же. Скажем, если бы я применил чары, рассеивающие тьму...

– Это было бы совершенно бесполезно, – безжалостно закончил за него эльф. – Запомни: лучшее, что умеет бард – это подбадривать своих товарищей песней, придавать им сил и вдохновлять на подвиги. Сыграй ты воодушевляющую мелодию – и твой друг сегодня закрыл бы Врата. Завтра вы будете творить чары вместе под моим надзором.

Джеримэйн и Элмерик обменялись негодующими взглядами.

– Вряд ли из этого получится что-то путное, – Джерри, наконец, отклеился от стены. – Мы не то чтобы друзья... Скорее наоборот.

– Дух соперничества – не помеха. Напротив, на первых порах нет лучшего подспорья в чародейском деле. Правда, Шон? – Каллахан повернулся к рыцарю Сентября, но тот лишь сделал неопределённый жест рукой, словно не желая дальше развивать мысль.

– А что будем делать мы с Орсоном? – Розмари вытерла слёзы передником. – Я тоже хочу сражаться-та.

– Ты пока лучше умеешь защищаться, чем нападать. Приготовь обереги. В бою держи сферу или хотя бы круг защиты. Маг, закрывающий Врата, очень уязвим. А бард подвергается ещё большей опасности: враг всегда будет пытаться убить его первым.

– Ох... – Розмари всплеснула руками. – Не умею я сферу-та! Вроде втолковывал мастер Патрик-то, а не выходит.

– Научись, – пообещал рыцарь Сентября. – Я покажу.

Каллахан отставил опустевшую чашу в сторону и внимательно глянул на Орсона. Элмерика показалось, что в бесстрастных прозрачных глазах древнего эльфа мелькнула тень любопытства:

– С тобой мы поговорим отдельно. Не бойся, в стороне не останешься.

– А м-можно спросить, что теперь будет с Келликейт? Она ещё на мельнице? М-могу ли я поговорить с ней?

– Всему своё время. – Каллахан нахмурился, отчего шрам на лбу стал намного заметнее. – Сейчас у тебя другие заботы. Я разрешу тебе увидеть её, когда ты закроешь свои первые Врата.

– Значит, уже скоро, – Орсон улыбнулся, светясь неожиданной решимостью.

Элмерика подумалось, что теперь тот горы голыми руками свернёт, лишь бы добиться своего. Впрочем, то же самое можно было сказать о любом из Соколят: после сокрушительной неудачи все как один вдруг выпрямили спины и готовы были снова бросить вызов судьбе. Это вселяло надежду. Наверное, Каллахан не стал бы возиться с совсем уж бездарными новобранцами?

– Тогда идите и учитесь. – Командир напутственно махнул рукой. – Ах да, и последнее: я запрещаю вам выходить за пределы защитного круга мельницы после захода солнца. До поры, пока не буду уверен, что вы способны постоять за себя.

– Ой, да и пожалуйста, – недовольно пробормотал Джерри. – Охота была ночами шастать...

Элмерик, опасаясь навлечь на себя гнев строгого эльфа, решил не упоминать о слове, данном лианнан ши. Лучше будет сперва подлечить ногу, выучить ещё парочку заклятий, а там, глядишь, Каллахан убедится, что новобранцы чего-то да стоят, и отменит своё обидное распоряжение. Ну, или всё само какнибудь образуется – время пока позволяло ждать...

Глава вторая

– Я считаю, нас просто запугивают, чтобы не вздумали бездельничать, когда дело близится к Испытанию! – Джеримэйн расхаживал по комнате взад вперёд, то и дело дёргая себя за чёлку. – А может, мстят за упущенного подменыша. Думаете, Каллахан забудет об этом? Ха! Держите карман шире! С кошки драной, небось, уже три шкуры спустил, и до нас доберётся.

– Ты просто не можешь смириться, что оказался недостаточно хорош, – Розмари улыбалась, но её голос сочился ядом. – Как же так: самый умный Джеримэйн, которому никто не нужен, и вдруг без барда не справится-та! Ещё и мой оберег надеть придётся.

– А ты и рада! Смотри не лопни от радости, ведьма!

– Ой, не бойсь, не лопну! Я не задавака, и своё место знаю-та. В отличие от некоторых.

– На кухне сегодня твоё место! Иди уже ужин готовить эльфу своему распрекрасному. Хотя он наверняка побрезгует деревенскую стряпню жрать. У них в холмах, небось, побогаче разносолы. И повара волшебные.

Похоже, слова Розмари попали в самую точку, и теперь Джерри пытался ударить в ответ побольнее. Однако девушка продолжала улыбаться:

– Ошибаешься. Вона, в сказках-та говорится, что эльфы для того похищают смертных дев, чтобы отведать наши кушанья. Потому что волшебные из сухих листьев готовятся. Не обед, а пустышка! Сколько ни ешь, а всё равно не наешься-та. Правда, Рик?

– Угу, – буркнул Элмерик, изо всех сил стараясь не вслушиваться в перепалку.

Он читал важную книгу по певческим чарам, выданную лично мастером Каллаханом, а болтовня отвлекала.

– Во-о-от! Смотри у меня: будешь дальше обзывать, я и тебе чтонибудь из листьев и прошлогодней травы состряпаю-та! И оберег не сделаю – ходи потом, как дурак, без оберега!

– Пф, напугала! – Джеримэйн всё же сбавил тон.

Наверное, он и сам уже жалел, что завёлся, но отступать не любил ещё больше.

– Не напугала, а предупредила! Не зли меня. А то как прокляну!

– Да не сможешь ты... – он с опаской отступил на шаг.

– Ещё как смогу! Такую порчу наведу, что век не отмоешься! Или ещё лучше: сделаю наговор на любовные-та чары. Слова мне поперёк не скажешь, будешь сохнуть день ото дня. Тока я буду непреклонной и разобью тебе сердце. Так что ты со мной не шути!

– Лучше вон рыжему отворот сделай, чтоб забыл свою эльфийку! – буркнул Джеримэйн, на всякий случай складывая пальцы в охранном жесте. – А то смотри, вон какой он кислый сидит. Будто слив неспелых слодал.

– Эй, нельзя ли потише? – зашипел Элмерик. – Хотите орать, идите на кухню оба. Со своими делами я сам разберусь – не маленький.

– Он первый начал! – Розмари показала Джеримэйну язык. – Рик, а что ты читаешь?

– Древнюю бардовскую поэзию.

– Это стихи? – девушка села на кровать и придвинулась ближе, пытаясь заглянуть в пожелтевшие от времени страницы. – Роман... чические?

– Ты что! Это не любовная поэзия, тут ранг повыше. Такие стихи не читают вслух при луне и не поют на праздниках. Они как заклинания. И до завтра мне нужно выучить не менее пяти десятков строф. Или мастер Каллахан устроит мне взбучку.

– Значит, это заклятия, которые нужно петь? – Розмари поправила сбившийся платок. – Но как ты будешь это делать? У тебя ведь флейта...

Элмерик снова вздохнул. Тот же вопрос он задал Каллахану, когда получил книгу. Ответ вогнал его тоску: о флейте придётся забыть до лучших времён. Музыкальные чары сильно уступали певческим.

– У меня есть арфа. Её, конечно, не так удобно носить с собой, как маленькую флейту. Но одних мелодий будет недостаточно, чтобы затворить Врата... Нужны древние песни. Зато потом я смогу сам сочинять заклятия, представляешь?

Розмари, нахмурившись, взглядывалась в пожелтевшие страницы.

– Очень странные стихи, – наконец вымолвила она. – Они эльфийские?

– Да. Мастер Каллахан сам перевёл и записал их. Говорит, пока сойдёт и так. Но древне-эльфийский мне потом тоже придётся выучить.

– Вот это да! Совсем совсем учёным станешь! Будешь прославленным бардом-та, как Вилберри скрипач, если не лучше.

При упоминании своего известного предка Элмерик улыбнулся:

– Бери выше! Я хочу стать не бардом, а филидом. Если доживу, конечно. Ну, и если таланта хватит...

– Смотрите-ка, кто тут у нас в филиды собрался! – Джеримэйн, раскинув руки, плюхнулся на свою кровать. – Мечтать не вредно, дурачок.

– А чем они отличаются от бардов-та? – задумалась Розмари. – По мне, так и те и другие поют песни зачарованные и развлекают гостей на праздниках. Вот только филидов нынче-та не сыщешь, а барды остались. Разве нет? – Розмари смотрела только на Элмерика, но ответил ей Джеримэйн.

– Разница как между деревенской ведьмой, что портит соседский скот, и мастером Шоном. Оба используют дикую магию, но сравнивать их силу просто смешно. Только чтобы стать филидом, жизни может не хватить. Ими даже в древности эльфы да полуэльфы чаще всего бывали, потому что живут дольше нашего. А простому смертному неудобно: вот стал ты такой филидом, да тут же помер от старости.

– Вообще-то всё не так плохо. У филидов есть несколько ступеней посвящения...

– То есть, тебя устроит и низшая?

– Нет, конечно! – Элмерик скрипнул зубами. – Вот чего ты хочешь добиться, а? Чтобы я сдался или что?

– Да прост... – Джеримэйн пожал плечами.

– Вот и заткнись!

– Ладно, не буду мешать великим свершениям. Как получишь ранг, зови отпраздновать. Эля поставлю лучшего, холмогорского.

– Ловлю на слове.

Бард ожидал новых колкостей в ответ, но вместо этого Джеримэйн отвернулся к стене и засопел. Розмари прислушалась к его размеренному дыханию:

– Хорошо, что он уснул. Надоели эти вечные придирки! Не обращай внимания, всё-та у тебя получится.

– Угу...

Признаться, Элмерик был бы рад, если бы его оставили одного. Но попросить об этом прямо он не решался: ещё обидится.

– Послушай... – девушка немного покраснела, – если ты того... и правда хочешь... я-та могла бы. Ну, отворот сделать. Чтобы не мучили чувства-та. Правда, я от любовных чар зарекалась, но тут-та дело доброе. Нужен только волос её. Али вещь какая-то: браслет там, пояс, платок.

Элмерик вздрогнул. Искушение было велико. Вдруг и правда полегчало бы? Но если даже в таких мелочах он будет отступать перед испытаниями, чего уж говорить о вещах более сложных? Подумаешь, несчастная любовь! Как там говорил Мартин: всё можно обернуть в свою пользу и наслаждаться жизнью. Последнее у барда пока получалось не очень, но ведь и времени прошло всего ничего.

– Не беспокойся, – он отмахнулся как можно беспечнее. – Я справлюсь.

– Как знаешь. – Розмари не стала настаивать, хотя ответу не обрадовалась. Она встала, потом снова села, смяла в руках ткань фартука и вдруг выпалила. – Это я её прокляла! Скисающее молоко и всё такое... Ты тогда просил-та, чтобы я на порчу посмотрела... ну, я посмотрела. И не сняла. Не захотела потому что.

– Погоди... Хочешь сказать, что порча до сих пор на Брендалин? – Элмерик аж подскочил.

– Угу, – Розмари выглядела виновато, но Элмерик сомневался в искренности её раскаяния. – Надо снять? Но нужен предмет. Неужто она ничегошеньки на память не оставила?

– Нет, ничего, – солгал бард, делая вид, что не может оторваться от книги.

Он почти решился отдать платок, но не смог. Жаль было расстаться с единственной памятью о несбывшемся. Ещё Элмерик боялся, что Розмари не устоит и всё-таки наколдует отворот, нарушив данное самой себе слово.

– Так ей и надо, фее проклятушей! – девушка вдруг ударила кулаком в подушку. – Пускай теперь всю жизнь гадкое молоко пьёт! Знала бы, что она такая, ещё похуже заколдовала бы.

– Не надо. Не желай ей зла, – Элмерик хотел коснуться её плеча, но Розмари, отбросила его руку:

– А вот хочу и буду! Потому что гадина эта твоя Брендалин! Хуже змеюки-та! Она ж тебя в сугробе на верную погибель бросила-та. Раненого. А ты её всё ещё любишь. Дурак!

Джеримэйн заворочался, и Элмерик зашептал:

– Тише, а то щас разбудим... лихо. Дело не в том, что я её люблю. Просто мы должны быть выше этого.

– И простить?

Розмари бросила на него презрительный взгляд и, подхватив юбки, выбежала из комнаты. Деревянные башмаки застучали по лестнице.

Отложив книгу, Элмерик вытянул из кармана шитый золотом платок, который всегда носил с собой, но ни разу им не пользовался. Ткань была чистой и новенькой, как в тот день, когда Брендалин вручила барду подарок. А что, если бы она позвала его с собой в холмы? Пошёл бы он, бросив всё, или нашёл бы в себе силы отказаться?

Элмерiku вспомнились слова Мартина: “есть в мире вещи, которые не продаются и не покупаются ни за какие дары: верность, любовь и свобода”. Ради возможности получить одно из этих благ неразумно было бы жертвовать остальными. Особенно когда ты уже отыскал своё место и нашёл истинное предназначение. Элмерик верил, что сейчас идёт верным, хоть и долгим путём. Да, жизнь смертных коротка, а повороты судьбы непредсказуемы. Порой старые связи настолько крепки, что рвутся только с кровью. Но даже если шансов на успех мало, это не повод не попробовать. Можно потерпеть неудачу сотни раз, а на сто первый преуспеть – в конце концов, чудеса случаются. И кому, как не чаропевцу, об этом знать!

* * *

К ужину на кухне объявился довольный и покрасневшийся Орсон. На нём красовалась новенькая кожаная перевязь с искусным тиснением из дубовых листьев и сплетённых ветвей. Клинок, висевший на его поясе, Элмерик узнал сразу и, не удержавшись, восхищённо цокнул языком. Это был тот самый меч, который они с Джеримэйном видели, когда пробрались в сокровищницу: не белоснежный, жаждущий крови, а лёгкий и звонкий, с чеканкой на тонком лезвии. В огромной лапше Орсона обмотанная кожей рукоять казалась почти игрушечной.

– Смотрите-ка! – в тёмных глазах Джерри загорелась зависть. – Кому-то подарили зубочистку.

– Мастер Каллахан сказал, что мне нужен м-меч, – принялся оправдываться Орсон, теребя пряжку ремня. – И мне его не подарили, а дали на время. У волшебного клинка есть

другой хозяин, но он вроде как не п-против, чтобы я сохранил оружие до его возвращения. Так что подарок тут – только перевязь...

– Значит, перевязь, ага. А у Элмерика книга. Роз, а тебе эльф дарил что-нибудь?

– Зеркало, – кивнула девушка не отрываясь от лепки пирожков. – Ух и красивое-та!

Серебряное, с камушками.

– Ясно... значит, всем что-то досталось. Кроме меня.

Элмерик никогда не видел Джеримэйна таким расстроенным. На того словно ушат холодной воды вылили.

– У тебя же есть нож от наставника. Добрый нож ничем не хуже книги, перевязи или зеркала.

– Эй, рыжий, ты что это меня утешать вздумал? Смотри, подумаю, что ты мне в друзья набиваешься.

– Оно мне надо? – Элмерик отодвинулся на другой конец лавки поближе к Орсону и с трудом поборол искушение тайком коснуться чудесного клинка. – А мастер Каллахан не сказал, чей это меч?

Орсон поскрёб подбородок, на котором уже начинала пробиваться светлая щетина.

– Нет, только упомянул, что настоящий хозяин был бы рад узнать, что его оружие пока побудет у меня. И мы немного п-потренировались...

– С эльфом? – Джеримэйн присвистнул. – Ну повезло же тебе, дуралею!

– Не с ним, а с мастером Шоном. Он побудет моим наставником, пока не объявится тот, другой – владелец меча.

– С ума они посходили, что ли? – Джеримэйн вытянул ноги поближе к пышущей жаром печке. – До полнолуния около месяца, до Самайна и того меньше, а они где-то шастают. Когда Врата откроются, мы что, так и скажем: извиняйте великодушно, уважаемые твари, мы не будем с вами драться – у нас ещё не все приехали. Приходите в следующий раз.

– Если не п-приехал – значит, так было надо, – нахмурился Орсон.

Элмерик ожидал, что Джерри прицепится и к этим словам, но в этот момент на кухню вошёл улыбающийся мастер Дэррек.

– Роз, дорогая, готов ли ужин? – Он снял шапку, стряхнув с неё снежную морось.

– Не сомневайтесь-то, мастер Дэррек, всё путём! – Розмари расплылась в ответной улыбке. – С приездом! Давненько вас видно не было. Устали, небось? Проголодались-та?

– Есть немного, – наставник протёр платком запотевшие очки. – А что это вы на кухне сидите? Накрывай сегодня в гостиную на девятерых. Будем твои пироги пробовать. Мастер Каллахан сказал, что отныне мы ужинаем за одним столом.

Скрестив на животе пухлые руки, он с нескрываемым удовольствием наблюдал за замешательством Соколят. Элмерик сперва подумал, что ослышался, ибо прежде не слышал о таких порядках, чтобы ученики и наставники ели вместе. Во всех известных ему гильдиях считалось, что молодёжь должна знать своё место и не равняться с учителями даже в мыслях. У музыкантов за рангами и титулами следили особенно строго: можно было даже нанести несмыслимую обиду соседу, просто присев рядом.

Элмерик решил, что мастер Дэррек, должно быть, пошутил, и даже попытался усмехнуться, но никто больше не засмеялся. Тогда бард окончательно растерялся.

– Ой, это ж, наверное, надо было-то приготовить что-нибудь необычное! – Розмари всплеснула перепачканными в муке руками. – У нас... праздник? А что ж не предупредили-то?

– Не беспокойся, это будет самый обычный ужин. Первый из многих. Я предлагаю всем отправиться в гостиную и прихватить с собой вот это. Чтобы мест хватило.

Мастер Дэррек водрузил на плечо одну из дубовых лавок и пошёл вперёд. Орсон после небольшой заминки подхватил вторую лавку, а стоял и Элмерик диву давался: наставнику вообще не стоило труда поднять ношу, как будто тяжёлое дерево ничего не весило. Интересно,

заметил ли Джерри? Бард украдкой глянул на него и сразу понял: да, заметил. Глаза округлил, как сыч. А потом тихонько хмыкнул себе под нос, как будто что-то понял.

* * *

– Я тогда свечей-та побольше зажгу, – Розмари носилась по гостиной, поправляя то скатерть, то занавески. – Всё ж таки не каждый день такое случается, чтоб за один стол с наставниками.

– И с эльфами, – подсказал Джеримэйн. Шёпотом, но так, чтобы точно все услышали.

– Ой, да что ты привязался-та со своими эльфами? С самого Лугнасада все с эльфийкой столовались, а всё равно проморгали.

– Заткнитесь оба! – неожиданно для самого себя рявкнул Элмерик, до боли в пальцах вцепляясь в свою трость.

Воцарилась тишина, все взгляды обратились к барду. Джеримэйн смотрел насмешливо, но складка между бровей намекала, что на самом деле ему вовсе не смешно. Розмари – с обидой и жалостью, Орсон – с неожиданным пониманием.

Спохватившись, Элмерик уже чуть более миролюбиво добавил:

– Прошу вас...

Мастер Дэррек опустил лавку и поправил очки:

– Держи себя в руках, Рик.

И конечно, именно в этот момент в гостиную вошёл мастер Каллахан. Элмерик вздрогнул, когда за спиной, как гром среди ясного неба, раздался звучный голос эльфа:

– Что тут происходит?

Командир даже не начал ругаться, а барду всё равно захотелось втянуть голову в плечи и слиться с бревенчатой стеной. Но за свои слова нужно было отвечать.

– Прошу прощения, это я виноват. Вспылил из-за пустяка. Больше не повторится...

– Непременно повторится, даже не думай зарекаться, – отмахнулся эльф, – или я ничего не знаю о бардах.

Элмерик поднял голову и сперва не поверил своим глазам: мастер Каллахан улыбался. Едва заметно, одними уголками губ, но это и в самом деле была улыбка.

– Присаживайтесь, – командир сделал приглашающий жест рукой и первым устроился во главе стола на кресле с резной спинкой.

К вечеру он сменил дорожные одежды на простую белую рубаху без рукавов, украшенную нитью тёмно-красного цвета. Вязь узора оплетала ворот, переходя на грудь и плечи. В косах блестело несколько хрустальных бусин, похожих на капли чистой воды.

– Это был не самый лёгкий день... – вздохнул мастер Дэррек, присаживаясь на лавку по правую руку от эльфа и одёргивая задравшийся на животе короткий колет.

– И завтрашний будет не лучше. Но этому знанию не должно омрачать нынешний вечер.

Элмерик немного помялся возле одной из лавок и всё-таки осмелился сесть на противоположном краю стола, прислонив трость к бревенчатой стене. Орсон, придерживая меч, опустился рядом. Следующим плюхнулся Джерри. Его попытки вести себя как ни в чём не бывало выглядели смешно, если не сказать жалко. Никто не поверил бы в его спокойствие с такой напряженной спиной и сжатыми до боли челюстями.

Розмари случайно стукнула по столешнице блюдом с рыбным пирогом, и Соколята вздрогнули, как по команде.

– Совсем ты их застращал, Каллахан, – Дэррек укоризненно покачал головой.

Эльф пожал плечами:

– Не меня бояться надо.

– А кого? – подошедшая к нему Розмари едва не выронила из рук кувшин с вином, но Каллахан легко подхватил его и водрузил на стол. Элмерик готов был поклясться, что девушка сделала это нарочно.

– В первую очередь себя, – эльф повернулся к двери. – А вот, кстати, и остальные...

Элмерик успел было удивиться и даже обменяться непонимающими взглядами с Джеримэйном, когда в коридоре послышались шаги. Либо эльфийский слух был острее человеческого, либо Каллахан ведал иные способы почуять чужое присутствие.

– Шон, Патрик, Флориан, – не вставая, он приветствовал каждого входившего кивком. – Прошу к столу. Теперь, когда почти все в сборе, я предлагаю испить круговую.

– Не рановато ли? – поджал губы мастер Патрик.

Он выглядел осунувшимся и уставшим, из длинной седой косы выбились несколько прядей, глаза покраснели, а плечи сгорбились, будто от непосильной ноши. На ладонях красовалось несколько свежих ожогов, какие случаются, когда варишь зелья в большой спешке.

Мастер Флориан кивнул, соглашаясь. На этот раз молчаливый наставник явился один, не взяв с собой шумного ворона. На кухне было довольно тепло, но он не снял плащ. Более того – закутался в него целиком.

– А по мне так в самый раз, – рыцарь Сентября неожиданно встал на защиту Соколят.

Следуя примеру Каллахана, он тоже переоделся к ужину, оставшись в простых рубаше и тунике – полностью чёрных, как обычно. Элмерику было ужасно интересно, является ли это знаком траура, как у мастера Флориана, или же Сентябрь просто не признаёт иных цветов? И как он собирается ужинать в маске? Может, всё-таки снимет? Но рыцарь Сентября, к великому разочарованию барда, похоже, решил вовсе не есть.

– Ты всегда согласен с Каллаханом, кто бы сомневался. Но они ещё не прошли Посвящение, – проворчал мастер Патрик.

– Не важно. Они уже здесь. И готовы сражаться на нашей стороне. Этого вполне достаточно.

Каллахан кивнул рыцарю Сентября. Тот распустил завязки на кожаном мешке, достал серебряную чашу и подал её командиру. Некоторое время Каллахан молча изучал чеканный узор и старые вмятины. В его зрачках, как и в боках чаши, отражалось пламя свечей, блики на лице ещё больше заостряли тонкие черты. Сейчас он казался намного старше, чем днём.

Воцарилась тишина, которую нарушало только потрескивание дров в камине да свист зимнего ветра за окном. Где-то наверху хлопнула незакрытая ставня, и в тот же миг мастер Каллахан, словно очнувшись от оцепенения, заговорил нараспев:

– Небеса не принадлежат никому, кроме птиц, а соколы поднимаются выше всех над облаками. Их острый взгляд и точный удар хранят покой жителей королевства. Их храброе сердце и верность принадлежат королю, честь же – лишь им самим. Смерть может прервать полёт, но небо помнит каждого.

– Небо помнит каждого... – хором откликнулись старшие Соколы.

Пламя свечей дрогнуло и вновь выпрямилось. Элмерику показалось, что в гостиной стало даже светлее, чем прежде. Он не знал, уместно ли повторить слова наставников или лучше промолчать? Всё-таки прав мастер Патрик: они ещё не получили Посвящение, а значит, не могут считаться полноправными членами отряда. Но, похоже, никаких речей от Соколят и не требовали.

Командир, вновь помолодевший в ярком свете, собственноручно наполнил чашу вином почти до краёв, первым отпил глоток и передал круговую рыцарю Сентября. Тому пришлось слегка приподнять маску, но Элмерик, как ни силился, ничего не увидел. Зато заметил, что кисти у наставника довольно узкие, с длинными пальцами, как у чародея или музыканта. Не воина. Интересно, почему командир назначил его обучать Орсона мечу? Вряд ли рыцарь Сентября часто брался за оружие.

Мастера Дэррек, Патрик и Флориан тоже пригубили вино. Последний, скривив губы, помедлил, но всё же перегнулся через стол и протянул чашу Элмерику. Серебро хранило тепло чужих рук, но вино оставалось холодным, будто его только что принесли из ледника – даже от одного маленького глотка занули зубы. Стараясь не расплескать ни капли, бард передал чашу Орсону. Неожиданно по всему телу растекался хмель, и боль в ноге прошла, как не бывало. Орсон ещё только передавал чашу Джеримэйн, а Элмерик уже улыбался, впервые за эти дни не чувствуя сжимающей горло горечи. Круг завершился на Розмари. В чаше, которую она вернула мастеру Каллахану, остался последний глоток вина. Командир подошёл к камину и вылил остатки в огонь:

– Для тех, кто сейчас не с нами.

Вернувшись на место, он бросил взгляд в пустой угол, потом пожелал всем приятного аппетита и первым потянулся к пирогу.

Соколята всё ещё чувствовали себя неловко, но всех выручила Розмари. Нарезать, положить на тарелку, передать салфетку, предложить молока или мёда – всё это у неё получалось легко, а ловкими движениями впору было залюбоваться.

Спустя четверть часа, когда все утолили первый голод, мастер Дэррек отложил нож и обратился к Каллахану:

– Но ты ведь собрал нас не просто, чтобы поесть и выпить?

– Ты прав, – командир кивнул, и бусины, вплетённые в его косы, едва слышно звякнули друг о друга. – Я хочу рассказать одну историю. Кое-кто из вас уже слышал её, кто-то был свидетелем этих событий, но теперь среди нас есть и те, кто ничего не знает. А стоило бы.

Элмерик наострил уши. Краем глаза он заметил, как подался вперёд Джеримэйн, как восхищённо распахнула глаза Розмари. Даже вечно голодный Орсон перестал жевать и затаил дыхание.

– Давным давно, когда я только собрал Соколов под знамёнами Его Величества, в отряде был ещё один эльф, – сильный голос мастера Каллахана завораживал с первых слов. – Мой друг и соратник, моя правая рука. Сильнейший маг, искусный воин, душа компании... он обладал многими талантами. Звали его Лисандр.

Даже под маской было видно, как скривился мастер Шон, услышав это имя. Мастер Дэррек ткнул его локтем в бок, словно опасался, что тот может перебить командира, но рыцарь Сентября сделал вид, будто содержимое собственной чаши интересует его намного больше, чем рассказ. Командир же продолжил:

– В ту пору считалось, что лучшие маги получают из близнецов, поэтому многие из нас имели братьев или сестёр. Была сестра и у Лисандра. В один день они стали частью отряда и в тот же самый день, спустя годы, предали нас.

– Лисандр и Алисандра, – мастер Дэррек, вздохнув, опустил голову. – А казалось, такие хорошие ребята... Патрик и Флориан их уже не застали. А вот мы с Шоном помним.

– Забудешь тут, когда напоминают то и дело, – буркнул рыцарь Сентября, не отрывая взгляда от глиняной чашки.

– Так Лисандр стал нашим злейшим врагом. Разумеется, мы наказали негодяя, и многие годы о нём ничего не было слышно. Но сейчас Лисандр объявился вновь, и даже вы уже успели столкнуться с его чарами. И с его племянницей. Она открыла ему путь на мельницу, воспользовавшись вашим доверием... – мастер Каллахан пристально посмотрел на Элмерика, и тот замер, поражённый.

– Брендалин? Она племянница этого Лисандра? Не просто какая-то там эльфийка, желающая выведать тайны Соколов?

– Юная дочь Алисандры... – мастер Дэррек сложил руки на животе, сплетая пальцы в замок. – Кто бы мог подумать!

– А что ж он такого натворил? В чём его предательство? – Джеримэйн мрачно глянул исподлобья, словно решая, чему из услышанного стоит верить.

Каллахан тоже нахмурился – видать, воспоминания были не из приятных.

– Они с сестрой задумали убить короля, которому поклялись в верности. И почти преуспели.

– Но зачем? Пришёл бы новый король – делов-то. У нас в деревне всегда так говорили: короли меняются, а жизнь простых людей от этого не становится ни лучше, ни хуже.

Элмерик схватился за голову. Иногда Джеримэйн казался ему сущим глупцом. Короля чуть не убили, а ему «делов-то»! Хотя... он же низкорождённый. Крестьянам не рассказывают историю Объединённых Королевств вместо сказки на ночь. Вот только... о котором из королей шла речь? Элмерик не знал. А что до причин, они наверняка были. Не станет же умный и сильный маг – к тому же эльф – рисковать жизнью и честью из-за пустяка.

Следующие слова мастера Каллахана подтвердили его догадку:

– Наследник в те годы был подростком, неспособным управлять страной. Зато этот пылкий юноша безумно любил своего отца. Такие легко ступают на путь мести – достаточно немного подтолкнуть. Без колебаний он ввязался бы в войну с эльфами, тем самым свершив пророчество, исполнения которого Соколы всеми силами стараются не допустить. Благой и Неблагой дворы противостоят друг другу с давних времён, чаши весов колеблются, склоняясь то в одну, то в другую сторону, но никому из противников не дано взять верх, пока в битву не вступят смертные. Под чьими знамёнами люди пойдут в последнюю битву, тот и победит. Вот только Объединённые Королевства после этого перестанут существовать. Лисандр не первый, кто пытался втянуть людей в войну, и не последний. Ради этого он пожертвовал всем, даже родной сестрой.

– Так она умерла, что ли? – ахнула Розмари.

– Бывает участь и похуже смерти, – рыцарь Сентября с грохотом поставил чашу на стол.

Мастер Флориан метнул на него гневный взгляд, но спорить не стал, лишь шумно втянул носом воздух. Возможно, отсутствие Брана сейчас сослужило всем неплохую службу, и ссоры не случилось.

– Она потеряла свою магию и состарилась, как обычный человек, – мастер Дэррек скорбно поджал губы. – Печальная участь для такой нежной эльфийки.

Теперь Элмерiku стало ясно, отчего мастер Флориан так вскинулся. Конечно, он предпочёл бы видеть свою сестру живой и здоровой, пускай и без магии. Ослеплённый горем наставник вряд ли задумывался, что для леди Эллифлор – человека по рождению – потеря способностей к колдовству была бы прискорбной, но всё же не смертельной.

– А король же выжил? П-почему тогда госпожу Алисандру настигла такая жестокая кара? – Орсон потёр лоб широкой ладонью.

– В том-то и дело, что не выжил... – начал Мастер Дэррек, но осёкся под ледяным взглядом командира.

После короткого размышления эльф всё же кивнул:

– Да, это так. Король умер, но его вернули к жизни. Это было самое серьёзное поражение Соколов за всё время нашего существования.

– Хотите сказать, вы воскресили короля?! – Розмари посмотрела на командира с таким неприкрытым обожанием, что Элмерiku стало неловко. Он подумал: при случае стоит напомнить девушке, что вот так откровенно пялиться на эльфа неприлично. Тот, конечно, способен впечатлить кого угодно, но всему же есть пределы!

– Увы, мне такое не под силу, – покачал головой мастер Каллахан. – Это сделала королева Благого двора.

– Хорошо, а ей-то какая выгода? Разве она сама не хочет выиграть эту вашу войну? – Джеримэйн сплёл руки под подбородком. – Или новый король выбрал бы другую сторону?

– К тому всё шло. Впрочем, плату за услугу она всё равно потребовала.

– Давайте не будем об этом, – рыцарь Сентября вскинул руку в упреждающем жесте. – Это были не самые лучшие сто лет моей жизни.

– Да, думаю, на сегодня достаточно воспоминаний, – согласился эльф.

– Простите, но мне пора, – мастер Патрик промокнул губы салфеткой и встал из-за стола, на ходу надевая помятую шапку. Уже на пороге он обернулся и добавил хриплым голосом:

– Дурной глаз. Расскажите им о дурном глазе, – и вышел.

Мастер Каллахан дождался, пока стихло шарканье ног, и обвёл суровым взглядом затаявших дыхание Соколят:

– Да, я запретил вам покидать пределы защитного круга, но это не наказание. Барьер истончился, и мы не знаем, в какой миг Лисандр выберется из заточения. Может, уже выбрался. Никто из вас не в состоянии справиться с ним: он силён и к тому же умеет менять облик. Но одна черта всегда остаётся неизменной. Если кто-нибудь заметит человека или зверя с повязкой на глазу – пусть немедленно даст мне об этом знать! И имейте в виду: Лисандр не калека. Тот, на кого он посмотрит левым глазом, умрёт мучительной смертью.

– Это что же, заклинание такое? Дикая магия? – Джеримэйн снова подпрыгнул на лавке. – А если отвернуться и не смотреть в его сторону? Или если мы, к примеру, возьмём зеркало и...

– Не поможет! – резко оборвал его мастер Каллахан. – Умелый маг всегда найдёт способ заглянуть противнику в лицо. Дурной глаз – не чары, а врождённая особенность. Он просто смотрит на человека, может, даже не желая тому зла, однако несчастья всё равно случаются. Многие считают это проклятием, но только не Лисандр. Он приложил немало усилий, чтобы развить свой дар, – и теперь это не просто дурной глаз, а чары. Сокрушительные и злые, способные сковать любую, даже самую сильную волю, заморозить кровь в жилах, превратить огонь в лёд. Так что даже не надейтесь совладать с ним. Оставьте Лисандра мне или Шону. Вам ясно?

– Да уж яснее некуда, – ответил Джеримэйн за всех разом, недовольно кривя рот.

– Вот и славно! Рассчитываю на ваше благоразумие.

– Есть ещё кое-что... – Голос Элмерика дрогнул, ладони мгновенно вспотели.

Бард сам не понимал, с чего так робеет перед командиром, и чувствовал, что выбрал не лучшее время, чтобы обратиться с просьбой, но раз уже начал говорить, не останавливаться же на полуслове?

– В тот вечер... ну вы понимаете когда... В общем, там была лианнан ши.

И почему дар красноречия всегда оставлял его в самый неподходящий момент? Язык пересох и прилип к нёбу, а голос звучал так, что самому приходилось прислушиваться.

– Зимой яблоневого девы спят, – напомнил мастер Дэррек, но бард мотнул головой и, набрав побольше воздуха, выпалил:

– Её разбудили! И заставили отвлекать нас, пока Брендалин открывала путь Лисандру. Надо разобраться с этим: лианнан ши хочет покоя.

– Хорошо, она получит свой покой. Шон займётся на досуге.

Командир поднялся из-за стола, выпрямляясь во весь свой немалый рост (все тоже встали), и снова глянул куда-то в сторону. Элмерик проследил за его взглядом, но не увидел ничего, кроме паутины.

– До утреннего колокола все ученики могут быть свободны.

Едва наставники покинули гостиную, Розмари упала обратно на лавку и принялась обмахиваться передником.

– Ну и дела творятся-та! Хорошо, что теперь мастер Каллахан и другие Соколы здесь и смогут защитить нас!

– Я тоже смогу, – Орсон положил ладонь на рукоять меча. – У меня есть добрый клинок. И я делаю успехи в воинском искусстве – мастер Шон сегодня хвалил меня.

В ответ девушка рассмеялась нервно и невесело.

– Прости, Сонни, но мы сами уже заварили такую кашу... Теперь хлебать – не перехлебать. Когда мастер Каллахан плеснул вино в камин-та для тех, кто не с нами, я чуть в голос не разрыдалась-та.

– Скучаешь по Мартину? – вздохнул Орсон. – Я тоже... Если бы не он, меня бы из Соколов уже давно выгнали. Ну, когда выяснилось, что я читать не умею. А я ведь даже не лгал – всего лишь не прочитал условия. Поставил подпись и укатил из дома навстречу подвигам. Никому и в голову не пришло, что сын лорда может быть грамоте не обучен. Меня вообще мало чему учили.

– А почему так вышло?

Прежде Элмерику было неинтересно, а сейчас вдруг захотелось поговорить о чём-нибудь отвлечённом.

– Учителя говорили, что я слишком глуп. А отец и не настаивал. Мол, успеется ещё. А не выйдет, так и не надо. Главное, найти толкового управляющего. Он ведь и сам замковые дела забросил после смерти матери.

– А с ней что случилось?

– В родах умерла, – голос Орсона стал тише. – Я не знал её, но, говорят, именно в тот день замок Трёх Долин покинула радость.

– Какая печальная история... – м-да, от таких бесед легче не становилось. И вдруг Элмерика осенило. – Слушай, а ты ведь почти не заикаешься! Раньше и двух слов связать не мог – и вдруг такое красноречие! Откуда?

– П-правда? Я очень стараюсь... Нужно только побороть страх.

– Чего ты боишься-та? – удивилась Розмари. – Говорить?

Орсон мотнул головой и понизил голос до шёпота:

– Хозяина Лесов.

– Кого?

– Ну, м-медведя...

Элмерик не знал, что и сказать. Неужели надуманные детские страхи могут так сильно отравлять кому то жизнь?

– Да ты же сам сильный, как медведь! – Джеримэйн хлопнул Орсона по плечу. – Сделаешь его одной левой!

Утешения сделали только хуже. Орсон вдруг вжал голову в плечи, заозирался по сторонам, а потом сбивчиво зачастил:

– Т-ты что т-такое говоришь! Н-нельзя! Иначе б-беды не м-миновать. Хозяин Лесов н-накажет...

– Перестань! – прикрикнул Элмерик. – Сам же говорил: страху нельзя поддаваться.

Орсон осёкся на полуслове и сполз на пол.

Молчал он долго, но в тот момент, когда бард уже собирался извиниться за грубость, снова заговорил:

– Не думайте, что я такой уж т-трус. Наверное, мне стоит рассказать, как всё было на самом деле, чтобы вы не осуждали меня. Но это долгая история. Можно сказать, из-за неё я и попал сюда. Не знаю, п-поверите ли вы мне...

– С чего бы нам не верить-та? – надулась Розмари.

– С того, что п-правда слишком похожа на небылицу. Другие слушали и на смех п-поднимали. Мол, горазд здоровяк сочинять сказки, чтобы скудоумие своё оправдать.

Элмерик нахмурился. Возможно, он решил бы так же, если бы Орсон разоткровенничался на заре их знакомства. Но с тех пор они пережили много. Бард на собственном опыте узнал: не всё то правда, что ему кажется. С ложью наверняка то же самое.

– Я не стану смеяться, – он приложил руку к груди. – Даю слово.

Розмари с Джеримэйном тоже кивнули, и Орсон, не вставая с пола, начал свой рассказ.

История, рассказанная Орсоном

Жил в Объединённых Королевствах один знатный лорд. Всего у него было вдоволь: и плодородных земель, и несметных богатств. Была и красавица жена, в которой лорд души не чаял, вот только детей у них не народилось.

Обращались и к лекарям, и к колдунам, но никто не мог ответить, отчего же боги до сих пор не послали лорду и леди наследника. Лишь одна старая ведьма как-то обмолвилась, что знает верное средство от этой напасти: нужно только раздобыть свежую печень медведя.

Отправился тогда лорд на охоту, хоть и сезон был уже неподходящим. Многие мили пришлось ему пройти, прежде чем набрёл он на медвежий след. Обрадовавшись неожиданной удаче, он устремился в чащу леса, оставив слуг далеко позади.

И вот долго ли, коротко ли, оказался лорд на поляне, сплошь поросшей вербеной и крестовником. Среди цветов и трав с медвяным запахом резвился медвежонок, которого охраняла большая чёрная медведица. И хоть жаль было лорду медведицу и медвежонок, но речь шла о наследнике. Поэтому он наложил стрелу на тетиву, натянул верный лук – и не промахнулся.

В тот вечер замок ликовал, приветствуя славного охотника. Повара приготовили печень по особому ведьминскому рецепту, и хозяин с хозяйкой отведали кушанье, прежде чем пойти в опочивальню.

Вскоре леди понесла дитя, и радости домочадцев не было предела. Ведьма же предсказала, что родится мальчик, за что лорд пожаловал ей сундук, полный драгоценных тканей, и ещё пятьдесят золотых сверху.

Но радость оказалась недолгой: в ночь, когда любимая жена должна была разрешиться от бремени, поднялся неистовый ветер и пошёл град размером с голубиное яйцо. Ровно в полночь появился на свет наследник. В первый и последний раз взглянула на него мать и испустила дух. Убитый горем лорд велел дать плетей негодной ведьме, а на сына даже не взглянул. С тех пор в замке никогда не устраивали пиров, а флаги на башнях и даже сам герб лорда украсили чёрной каймой – в знак вечного траура.

Шли годы. Наследник подрастал, не зная ни отеческого совета, ни материнской любви. И вот однажды приснился ему удивительный сон: будто бы на лесной поляне, поросшей вербеной и крестовником, сидит чёрный медведь, размером с гору. Испугался мальчик – ведь глаза у того медведя были совсем человечески. Он хотел убежать, но высокие деревья преградили ему путь, а зверь вдруг прорычал:

– Не за себя живёшь, человеческое дитя, а за моего сына. Не должен был ты появиться на свет. Поэтому не видать удачи тебе и всему твоему роду во веки веков. Таково слово Хозяина Лесов!

А потом поведал без утайки, как всё было. Заплакал мальчик – очень уж страшным и огромным был зверь – и проснулся.

С того времени стоило ему лишь закрыть глаза, как чёрный медведь неизменно являлся в его сны. Рычал, скалил окровавленные клыки и всё твердил о неоплатном долге. В полночь у постели непременно обнаруживался кусок протухшего мяса, над которым даже в зимнюю пору роились жирные мухи. С рассветом это напоминание о ночном кошмаре исчезало бесследно, поэтому жалобам юного лорда никто не верил. Когда же он приказал слугам остаться с ним на ночь, выяснилось, что это мясо никто кроме него не видит. Стали поговаривать, что умом он уродился слаб, а духом боязлив – не в отца пошёл. Лекари да колдуны лишь руками разводили, и тогда повелел лорд призвать ту самую ведьму, что когда-то велела добыть медвежью печень. Та ни в какую не соглашалась, памятуя о плетях, но слуги всё равно схватили её и притащили в замок.

– Что же ты наделала, окаянная! – лорд в ярости топнул ногой. – Всё это твоя вина, так держи теперь ответ!

– Негоже пенять старой женицине, коли своими руками всё испортил, – прошамкала беззубая ведьма. – Я и помыслить не могла, что убьёшь ты беззащитную мать с дитём в угоду своему семейному счастью. Подождал бы немного – вышел бы к тебе сам косопалый, чтобы сразиться один на один, как принято у честных людей. И не случилось бы беды. А теперь даже я не знаю, как помочь твоему горю.

Глянул тогда лорд на маленького сына и помрачнел ещё больше.

– Не за себя ведь прошу, – пробормотал он. – Моя-то жизнь всё равно, считай, кончена.

Смягчилось тогда сердце старой ведьмы, и молвила она так:

– Большое злодейство сотворил ты, глупый лорд! Прогневал Хозяина Лесов, обрёк жену на верную смерть, а кровное дитя – на долгие муки. Но так и быть, знаю я самое распоследнее средство. Не ради тебя открою тайну, а чтобы не страдала невинная душа сына за дело отца. Говорят мудрые люди, будто бы живёт в самом сердце леса белый друид, что водится с феями и лесными зверями. Если кому и под силу заклисть гибельные сны, то только ему. Вот только согласится ли он помочь – то мне неизвестно. А пока твои люди ищут мудреца, прошу: отдай ребёнка мне. Я сделаю так, чтобы в моей хижине он рос без страха.

– Ишь чего удумала, старая карга! – лорд ударил кулаком по столу. – Где же это видано, чтобы единственный наследник вдали от замка рос, да ещё в такой жалкой лачуге? Или хочешь забрать последнее, что у меня осталось? Нет, не бывает тому!

Ничего не ответила ведьма, лишь качнула косматой головой и растаяла в воздухе. С тех пор её в тех краях не видали. А белого друида искали долго, да так и не нашли. Кто знает, может его и вовсе не существует.

Мальчик же по-прежнему мучился от дурных сновидений, в которые никто не верил. Вскоре даже родной отец стал укорять его за досужие выдумки, словно забыв о том, что сам натворил. И вот уже по всем землям разнеслась весть, что наследник лорда настолько умом скорбен, что боится даже собственной тени в солнечный полдень. Те же, кто ведал, в чём дело, знай себе помалкивали, ибо негоже перечить господину.

Так всё и было, пока наследнику не стукнуло восемнадцать. В ту самую пору забрёл в замок странный хромотой человек: по всем признакам вроде как колдун, но по виду – из благородных. Выслушал он юношу, да не рассмеялся, а молвил так:

– Причинить зло легко, а исправить совсем непросто. Не должен был ты появляться на свет, Медвежонок. Но если уж обманул судьбу и родился, негоже тебе и дальше одолженную жизнь в отцовском замке зря просиживать. Сам посуди: останешься здесь – не видать тебе счастья. За порогом дома, может статься, тоже, но этого никто не знает наверняка. А мир велик. Может, ещё встретишь своего белого друида...

И хоть глуп был сын лорда, но даже его скудного ума хватило понять, что в словах незнакомца есть правда. В тот же день собрал он пожитки и без сожалений покинул отчий дом. А уходя, лишь единожды обернулся, чтобы поклясться горам и камням, небу и земле, рекам и луговым травам, что проживёт жизнь не напрасно. Свою ли, чужую ли – без разницы. Ту, что есть.

Орсон замолчал, а Элмерик ещё долго не мог вымолвить ни слова. Услышанное потрясло его. Кто бы мог подумать, что всё это время недалёкий здоровяк, над которым потешались все кому не лень, нёс на своих плечах такую тяжёлую ношу!

– Чего молчите? – нахмурился Орсон. – Не верите, да?

– Я верю, – еле слышно сказал бард. – Просто... мне стыдно. Прости.

– За что? Ты не обижал меня, не смеялся, как некоторые.

– Я не делал этого вслух, но было время, когда я считал тебя дурачком и не раз удивлялся, как такого увальня вообще взяли в Соколы, – эти слова давались с трудом, зато после каждой фразы на душе становилось всё легче и легче. – Глядя на тебя, я часто думал, что ты – хуже. И чувствовал своё превосходство. Но теперь всё иначе...

– Я не хуже тебя. А ты не хуже меня. Все мы просто люди.

– Мудрые слова, – вдруг сказал Джеримэйн.

– Смеёшься?

– Отнюдь. Я всегда говорю то, что думаю. Человек может вести себя, как дурак. Но это не значит, что он всегда такой тупой. В другие моменты он может быть умным. Я не про только тебя, если что. Про всех нас в разные моменты жизни.

Похоже, это был такой способ сказать “прости, я был не прав” по-Джеримэйновски.

– А кто был тот человек-та? – поинтересовалась Розмари. – Мастер Патрик?

– Он самый. Я ушёл с ним, не спросив дозволения. Отец до сих пор страшно зол.

Ох уж эти отцы! Элмерик вздохнул, припомнив своего.

– Понимаю. Я тоже сбежал из дома когда-то... Слушай, а ты всё ещё видишь эти сны?

– Да, но уже не каждую ночь. То ли здесь место такое, то ли проклятие со временем ослабло.

– Хочешь, я могу взглянуть на эти куски мяса истинным зрением?

Орсон покачал головой:

– В этом нет необходимости. Я уже уверился, что оно не настоящее. Это только моё проклятие. Никто другой его не увидит.

– А знаки на твоих руках? Это ведь огам? Можно посмотреть?

Орсон засучил рукава. Татуировки и шрамы покрывали не только тыльную сторону его ладоней, они протянулись до самых локтей. А может и выше. Теперь Элмерик понимал, что это сильные защитные чары.

– Тот, кто сделал это, пытался избавить тебя от страхов?

– Это была та ведьма. Мы виделись с ней тайком. Не знаю, в чём был её интерес, но я всегда знал: она не желает мне зла. Позже она и меня научила. Поэтому у меня с огамом проблем и не было. Кстати, и мастера Патрика сперва привлекли мои руки, а потом уже я сам.

– Больно было-та? – Розмари потянулась, чтобы коснуться загадочных символов, но в последний миг отдернула руку.

– Нет, терпимо...

– А белый друид-та? Кто он?

– Понятия не имею, – вздохнул Орсон. – Его я пока не встретил.

Глава третья

– А ты заметил, что мастер Каллахан всё время косился куда-то в угол?

Джеримэйн был мастером начать беседу вот так внезапно. Элмерик уже готовился лечь, но от неожиданности застыл с подушкой в руке.

– Да. Ты знаешь, почему?

– Есть у меня одна идея. Тебе понравится. Или нет. А следы вокруг дома видел?

– Какие ещё следы?

Мельница, конечно, была хорошо защищена, но... а вдруг маг Лисандр бродит где-то неподалёку?

– Собачьи или волчьи. Появились после приезда Каллахана. Сперва я подумал, что он сам умеет превращаться в зверя, но, похоже, за ним по пятам ходит какая-то невидимая тварь. Он даже гладил её, когда думал, что на него никто не смотрит.

Элмерик хмыкнул, ощутив укол зависти. Умеет же Джеримэйн подмечать всякое!

– Ты считаешь, что мог бы подкрасться к эльфу и тот тебя не заметил бы?

– Может, и нет. Но тварь у него точно есть! А мастер Патрик едва на ногах держится, ты заметил?

– Угу. Он будто вообще не спал. Думаешь, это как то связано с тварью?

– Вряд ли. Они с Сентябрём что-то мутят. Всё время проводят вместе в кабинете. Я пытался подслушать, но там мощные чары тишины висят – не пробиться.

Им тоже не помешали бы чары тишины: Орсон молодецки храпел на всю комнату. Ляжешь – всё равно не заснёшь. Тем более, что сна не было ни в одном глазу. И, пожалуй, Элмерик был не прочь поболтать.

– Кстати, а что ты думаешь об этом рыцаре Сентября? Не успел разглядеть, что у него под маской?

– Увы, нет. Но ясно одно: мужик на взводе.

– А мне он, наоборот, показался на редкость бесстрастным. Если не считать упоминания о королеве Благого двора.

– Это тебя маска сбивает. Вот скажи мне, когда ты видел его с Мартином на конюшне, Сентябрь тоже был такой отмороженный?

Элмерик напряг память.

– Нет, вроде. Они подшучивали друг над другом, смеялись.

– Вот то-то. Я внимательно наблюдал за ним весь вечер. От него ощущение, какое бывает зимой в горах. Скажешь неосторожное слово или стронешь мелкий камушек – и загремит-покатится смертоносная лавина... Готов биться об заклад – Сентябрь в ярости. Просто ярость у него не огненная, как у мастера Флориана, а холодная, как лёд. И взгляд ты видел? Мёртвый, тяжёлый. Такой только от сильного горя бывает. Думаю, это из-за Мартина. Они же близкими друзьями были. А, может, и не только друзьями... Кстати, а ты когда понял, что Мартин был одним из Соколов, и его с самого начала приставили за нами следить?

Элмерик сперва не поверил своим ушам. Но в следующий миг понял: а ведь Джеримэйн прав. У него просто не было времени сложить два и два. Глубокие познания Мартина. Его забота о Соколятах. То, как к нему прислушивались наставники. Дружба с мастером Шоном, в конце концов...

– Только, наверное, не следить, а защищать от Лисандра, если тот объявится. И искать подменыша, – он надеялся, что Джерри не заметил его изумления.

– Одно другому не мешает, – фыркнул Джеримэйн.

Он говорил ещё что-то, но Элмерик уже не слушал, потому что чуть не задохнулся от неожиданной мысли – лианнан ши! После его невнятных объяснений командир сказал, что

яблонева дева получит свой покой. А вдруг он всё не так понял? Вдруг счёл её пособницей Лисандра и теперь её собираются убить?

– Рыжий, ты меня слушаешь? – Джеримэйн пощёлкал пальцами у него перед его носом.

– О чём ты говорил?

– Спросил, не сходишь ли ты со мной к леди Эллифлор? Хочу задать ей пару вопросов, но меня одного она слушать не станет.

Элмерик усмехнулся. Задаваке Джерри нужна его помощь, ага!

– Ладно. Но взамен ты тоже со мной кое-куда сходишь. Надо найти Ллиун. Иначе мастер Шон её убьёт. А одному мне туда не добраться, даже с тростью.

– Ты сдурел? – Джеримэйн постучал себя пальцем по лбу. – Нас за ту историю с сокровищницей едва не выперли. На твоём месте я бы сидел тихо, как мышь, и не шуршал!

– Струсил, да?

В ответ Джеримэйн аж зарычал.

– Ух, врезал бы тебе. Да на твоё счастье не дерусь с хромоножками. Рыжий, очнись! Со сломанной ногой тащиться в ночь, по снегу, прямо в лапы упырицы, когда неподалёку шастает могущественный злой колдун – это по-твоему хороший план?

– Нет, он дурацкий. Но я ей жизнью обязан, и всё равно пойду.

– Может, лучше расскажем всё Сентябрю? Он, может, и на взводе, но не тупой.

– А кто мне раньше все уши прожужжал, что наставникам ничего говорить нельзя?

– Так раньше не помирал никто.

Джеримэйн сказал это с такой горечью, что Элмерика будто холодной водой окатило. Некоторое время он молчал, собираясь с мыслями, а потом кивнул.

– Ладно, пошли к нему.

В этот миг хлопнула входная дверь. Неужели они опоздали?

– Я мигом, – Джеримэйн выскочил из комнаты.

Некоторое время Элмерик слушал только храп Орсона. Казалось, прошла вечность, прежде, чем скрипнула дверь.

– Это был Шон, – Джерри тяжело дышал. – И я его не догнал.

– Тогда возвращаемся к моему плану. Ты со мной или нет?

Джеримэйн закатил глаза:

– Ещё не хватало тебя, идиота такого, одного отпустить! Но предупреждаю: никаких сюрпризов. И если я говорю «уходим» – это значит, уходим, ясно?

– Ясно. – Элмерик, скрипнув зубами, опёрся на предложенную руку.

Снаружи их ждала зловещая темнота. Казалось, во всём мире остались лишь тусклый фонарь в руке Джерри, да горящее окно в кабинете мастера Патрика.

Идти приходилось медленно, то и дело останавливаясь, но Элмерик каждый раз находил в себе решимость идти дальше. Дойдя до одного из защитных камней, они замерли в нерешительности.

– И что теперь? – Джерри на всякий случай нащупал рукоять ножа.

– Не знаю. Подождём немного. Может, она почует меня и придёт, – Элмерик обессиленно прислонился к камню и уставился в небо.

– А позвать не судьба? Мы же к бесам замёрзнем.

Бард пожал плечами и достал флейту. Пальцы не слушались, мелодия выходила нервной. К тому же её заглушал свист ветра. Но Элмерик упрямо продолжал играть.

– Не придёт твоя упырица, – наконец сказал Джеримэйн, пританцовывая на месте.

– Ну ещё немного.

– Сколько? До рассвета? Пока нас не хватятся? Да я замёрзну раньше! Не знаю, оставь ей записку, что ли...

А Элмерика вдруг осенило:

– Ой, я дурак! Наверное, она не может услышать нас, пока мы внутри. Надо выйти из защитного круга.

– Тебя точно по ноге, а не по макушке стукнуло? – Джеримэйн тряхнул его за плечи так, что затрещала ткань куртки, а верхняя пуговица отлетела и упала в снег. – Чокнутый самоубийца.

– Эй, нельзя ли полегче? – Элмерик задохнулся от нового приступа боли.

– Каллахан тебя сильнее приложит. И из Соколов выгонит. Кто обещал меня слушаться, ну?

Бард бросил взгляд в темноту и не без сожаления вздохнул. Признавать неудачу не хотелось, но Джерри явно не шутил. И что самое худшее – он был прав.

– Если с ней случится беда, я себе этого не прощу! – он едва шевелил потрескавшимися от холода губами.

Джерри, не слушая возражений, закинул его руку себе на плечо и потащил прочь.

– Она что, такая красotka?

– Не в этом дело. Я не хочу, чтобы кто-нибудь снова погиб из-за меня. Как Мартин...

Джеримэйн закашлялся, будто вдохнул слишком много морозного воздуха.

– Ты не виноват. Никто из нас не виноват, – севшим голосом произнёс он, когда приступ прошёл.

– Ты ведь сам так не думаешь.

– Мало ли, что я думаю? Ничего уже не изменишь. А вот наломать ещё больших дров очень даже можно.

– Этого-то я и боюсь...

Нога вдруг поскользнулась на льду. Элмерик вцепился в Джеримэйна, и оба шлёпнулись в грязный снег. От боли потемнело в глазах.

– Вставай, чтоб тебя!

– Не могу.

– Проклятье. И как тебя теперь поднимать? – Джерри встал, отряхнулся, подобрал шапку. – Сиди здесь. Я сейчас Орсона позову.

Когда он скрылся из виду, Элмерик беззвучно зарыдал – не от боли, а от того, что все усилия оказались напрасными. И вдруг что-то невидимое и тёплое коснулось его руки. Щёку обожгло чужое дыхание, и бард заорал от ужаса. В следующий миг из темноты соткался силуэт громадной собаки – белой, лохматой, с красными ушами и острыми, как ножи, клыками во влажной пасти.

Элмерик попытался отползти, нашаривая в грязи бесполезный костыль, но чудовище настигло его одним прыжком и... лизнуло в лицо. Кажется, жрать живьём его не собирались.

Пёс улёгся рядом, прижимаясь и согревая. Элмерик с трудом поднял руку и погладил его между ушей:

– Ты мне снишься?

– Он не умеет, – чей-то низкий голос раздался прямо над головой. – В отличие от меня. Но сейчас и я тоже не снюсь.

Шерстяной плащ укрыл Элмерика с головой. А когда он высунул нос наружу, то увидел рыцаря Сентября.

– Не бойся. Это Бран, пёс Каллахана. Он тебя не укусит.

– Почему его зовут так же, как птицу мастера Флориана?

Ну конечно, спросить об этом сейчас было важнее всего! Бард чувствовал себя глупо, но слова уже сорвались с языка...

– Долгая история, – Сентябрь бесцеремонно ощупал его ногу, и Элмерик ойкнул. – Каллахан даёт одинаковые имена всем, кого приручает. Так уж повелось. Ворон Флориана – его подарок.

И тут Элмерик вспомнил, ради чего полез в снежные дали и завопил:

– Мастер Шон, не убивайте, пожалуйста, лианнан ши, она ни в чём не виновата! Лисандр заставил её. Я сам видел серебряную струну на запястье. Лиун просила, чтобы её освободили и дали поспать до весны, пока яблони не зацветут. Вы же не причините ей вреда? Я обещал!

– Постарайся впредь не давать опрометчивых обещаний, иначе тебе перестанут верить. А тем, кому мы не верим, не место среди Соколов, – отрезал рыцарь Сентября.

Элмерик шмыгнул носом.

– Знаю, я вёл себя как болван. И готов понести наказание, только не выгоняйте. Это было не ради себя, а ради...

– Да плевать тебе на всех, – слова мастера Шона били сильнее плети. – Ты лелеешь свою боль. Поэтому пытаешься геройствовать почём зря. Перестань себя жалеть, иначе дело кончится плохо.

Элмерик отвернулся, не в силах больше выдерживать внимательный взгляд чёрных глаз и пробормотал:

– Я просто хотел, чтобы не было больно. И чтобы больше никто из-за меня не погиб. Как этого избежать?

– Почаще думать головой. Представь, каково было бы твоим друзьям, если бы с тобой случилась беда? Себе подобной участи ты не желаешь, а им, значит, можно?

– Нет!

От его крика заворчал Бран, но рыцарь Сентября успокоил пса.

– Много слов и горячности, но мало толку. Я думаю, таким как ты не место среди Соколов. Считаешь, что я не прав – переубеди меня.

Элмерик вскинулся, как от пощёчины, из последних сил вцепившись в рукав наставника.

– Как мне доказать, что я говорю правду?

– Не знаю. Это тебе решать.

– Я никогда больше не нарушу ни единого приказа Каллахана! Клянусь пеплом и вереском!

Рыцарь Сентября с величайшей осторожностью высвободил рукав и уже совсем не так сурово произнёс:

– Говорил же: не нужно опрометчивых обещаний. Впрочем, сказанного не воротишь. Клятва дана и услышана. Теперь это твой обет. Каллахан удивился бы...

– А вы ему не скажете? – Элмерик натянул плащ до подбородка, не понимая, радоваться ему или печалиться – ведь у него появился первый гейс.

– Зачем бы мне? – хмыкнул мастер Шон. – У него и так довольно власти над всеми нами.

Бард невольно улыбнулся. В сердце затеплилась надежда, что ещё не всё потеряно. Придётся постараться, чтобы не нарушить клятву, но обет мастера Флориана посложнее будет – и ничего, справляется. Элмерик чувствовал, что находится на верном пути. Пусть это был всего лишь первый робкий шаг, но он действительно собирался доказать, что достоин быть одним из Соколов.

– Сюда идут, – рыцарь Сентября обернулся и белый пёс настороженно приподнял косматую голову.

– Это, наверное, Джерри и Орсон. Не ругайте их, пожалуйста.

Наставник положил руку ему на лоб и едва слышно произнёс:

– Спи.

Сопротивляться чарам не было ни сил, ни желания. В полудрёме Элмерик успел почувствовать, как вторая ладонь мастера Шона легла на его колено. Что-то хрустнуло, будто сложенные кости наконец встали на место. И боль исчезла.

* * *

– О, наш больной уже ходит! Может, спляшешь, а? – Джеримэйн помахал опоздавшему Элмерику рукой, приглашая присоединиться к завтраку.

Наставников в гостинной не было. Наверное, уже ушли. А может, и вовсе не появлялись, так что можно было говорить свободно.

– Мастер Шон не сильно ругался? – Элмерик плюхнулся на лавку и накинута на еду.

– Нет, но лучше бы ругался. Наверное, эльфов с детства учат, как унижить парой вскользь брошенных фраз. А этот хоть и полуэльф, но яду на трёх эльфов хватит!

– И что теперь?

– А ничё. Командиру не сдаст, если ты об этом. А вымыть все лестницы на мельнице давно было пора – сплошная мука да пылица. Но мы вдвоём быстро управились.

– И даже поспать немного успели. – Орсон зевнул так, что хрустнула челюсть.

– Спасибо вам...

Элмерик так растрогался, что полез к обниматься, но Джеримэйн слегка охладил его пыл:

– В общем, будешь должен.

– И чего же ты хочешь? – лёгкая досада всё равно не могла омрачить радости барда.

– Позже обсудим.

– А вот мне платы не надо... – начал Орсон, но Джеримэйн шикнул:

– Не лезь. Ишь благородный какой выискался! Это в воспитательных целях.

Он хотел добавить что-то ещё, но тут прозвонил колокол, и Элмерику пришлось поспешно запихивать в рот хлеб с джемом, чтобы не опоздать ещё и на уроки.

Сегодня Соколятам предстояло разлучиться. Розмари с ворохом оберегов отправилась к мастеру Патрику. Орсон, взяв меч, потопал на улицу, чтобы продолжить уроки фехтования с мрачным рыцарем Сентября. Джеримэйн привычно последовал за мастером Флорианом, но обернувшись в дверях, бросил Элмерику через плечо:

– После обеда не вздумай дрыхнуть – потолковать надо.

И тотчас же получил гневный окрик от Брана:

– Р-р-разговоры пр-р-рочь! – строгий ворон попытался ущипнуть Джеримэйна за ухо, но тот ловко увернулся и погрозил птице кулаком.

Элмерик же остался с мастером Каллаханом. Некоторое время эльф молчал, погружённый в собственные мысли. Потом произнёс:

– Ну? Что выучил?

Элмерик вздрогнул, но к своему удивлению оттарабанил всё, что было задано, пусть и не без запинок. Спасибо хорошей памяти.

– Неплохо, – в голосе эльфа мелькнула тень удивления, будто бы тот вообще не ждал от ученика успехов. – Но ты можешь лучше, если захочешь.

Он перевернул ещё десятка два страниц и переложил закладку из кожи, отметив новое место в книге:

– Это на завтра.

– Но я не успею! Я и прошлые то еле выучил, а теперь ещё больше надо?

– Успеешь, – оборвал его мастер Каллахан. – Если перестанешь сомневаться в себе. Чаропевец не должен дрожать, когда вдохновляет соратников на битву. Таковы сила и суть бардовского искусства.

– Ну я попытаюсь...

– Не пытайся. Делай! Или вовсе не берись.

Элмерик промолчал, хотя решимости у него не прибавилось ни на грош. А при одной мысли о прошлых неудачах руки сами опускались.

Мастер Каллахан это почувствовал.

– Рядом с тобой много достойных воинов и умелых чародеев. Смирись, что ты всегда будешь слабее их. И черпай силу в этой слабости. Только так можно защитить тех, кто тебе дорог. Понимаешь? Барду не нужно хорошо владеть мечом, его оружие – вовремя сказанное слово.

– Да, но...

– Значит, не понимаешь. Ладно, попробую объяснить иначе, – он прикрыл глаза и вдруг запел.

Это было заклятие с первых страниц книги, но в исполнении Каллахана каждое слово оживало. Перед глазами вставали картины великих сражений древности, слышались призывные звуки рогов, трубящих наступление. Сердце наполнилось восторгом, сулящим победу в битве. Сталь звенела о сталь, враги в страхе бежали, а их лошади вставали на дыбы и сбрасывали седоков в объятия вереска. Стоны боли сливались с громкими победными кличами. Пролитая кровь ушла в землю и сама стала землёй. Сквозь тела павших, между ржавых остатков мечей и брони проросла молодая трава. Вскоре она скрыла пожелтевшие от времени кости. А на холмах расцвели, покачиваясь от лёгкого ветерка, алые маки.

Элмерик затаил дыхание. Сердце стучало в такт мелодии. Он видел, как огромное мельничное колесо с грохотом проворачивалось, отмеряя время. С лопастей стекала вода, сочные листья увядали и опадали, чтобы по весне опять распуститься, сухие пни давали зелёные побеги, и сама смерть отступала, освобождая место для новой жизни. Ничто не исчезало бесследно и не останавливалось ни на миг.

Он даже не сразу понял, что песня закончилась.

– Теперь понимаешь? – в глазах Каллахана вспыхивали и гасли языки пламени, обычно бледное лицо окрасил лёгкий румянец, а дыхание участилось. Казалось, он сам находился во власти собственных чар.

– Да...

Заразительное вдохновение толкало в спину, словно ветер, заставляло кровь быстрее бежать по жилам. И так хотелось верить, что всё сбудется – нужно лишь встать и идти судьбе навстречу, отбросив глупый страх, как скидывают ставший ненужным плащ под жаркими лучами летнего солнца. Теперь Элмерик знал: есть такие песни, что не только камень с души помогут снять, но и горы свернут, если потребуется!

* * *

После обеда Джеримэйн потащил Элмерика в библиотеку, чтобы повидаться с леди Эллифлор. Но им не повезло. Они и звали, и уговаривали, и даже стучали по обложке: призрак молчала. Лишь шелест страниц (окно было закрыто – на сквозняк не спишешь) намекал, что она где-то здесь.

– Видно, опять не в настроении, – бард опустился на табурет.

– Можно подумать, она хоть когда-нибудь бывает в настроении... Интересно, все призраки такие чокнутые, или нам особенно повезло?

– Тише ты! А то услышит и вообще больше не выйдет.

– Вот и на кой мы ей слово дали? – Джеримэйн шлёпнул книгой об стол. – Теперь даже мастера Каллахана не попросишь помочь. Начнёт спрашивать, чё за призрак, на кой он нам сдался...

Над тиснёной обложкой взметнулась пыль.

– Вы сказали «Каллахан»? Он что, здесь?

– Ха! Вот она, эльфийская магия! – Джеримэйн ухмыльнулся, потирая руки. – Одного имени хватило.

– Да, он на мельнице, – Элмерик, вскочив, поклонился книге.

– О боги! – простонала Эллифлор. – Он совсем рядом, а я в таком виде! С самого Бельтайна в одном и том же платье! Нет, это совершенно исключено! Меня нет дома.

– Так вы хотите его увидеть или нет?

– Нет! То есть да. Но не сейчас. Позже. Когда я буду готова, – из книги послышался глубокий вздох. – Как он?

– Да нормально, вроде, – пожал плечами Джеримэйн. – Ну, насколько это возможно. После смерти Мартина все ходят как в воду опущенные...

– Что ты несёшь? – леди Эллифлор появилась перед самым его носом. Она держалась за сердце, будто то всё ещё могло биться. – Марти не может умереть! Ведь только волшебное оружие...

Она замолчала, не договорив, а потом закрыла лицо ладонями. Её плечи дрожали, но рыдания были беззвучными: никаких всхлипов, криков, заламываний рук. Элмерик даже удивился.

– Мне жаль... – на всякий случай он показал Джерри кулак, чтобы тот не вздумал глумиться над чужим горем.

– Но как же это произошло? – Эллифлор подняла заплаканное лицо, совсем прозрачное от слёз. – Ох, бедный Патрик! Бедный Шон! Боюсь представить, каково им сейчас! Они больше всех любили Марти...

– Держатся, – уверил её Джеримэйн. – Это случилось, когда на мельницу проник Лисандр.

– Надеюсь, Каллахан хорошенько проучил его?

– Командира не было на мельнице той ночью. А мы ничего не успели сделать. К тому же у Лисандра были сообщники – одна из них и убила Мартина.

С последним утверждением Элмерик хотел бы поспорить. Он не считал Келликейт сообщницей. Но оправдать её тоже не мог, поэтому промолчал.

– Вот негодяи! – Эллифлор, забыв о приличиях, стукнула кулачком по столу, но призрачная плоть легко прошла сквозь дерево, не встретив сопротивления.

– Поэтому мы и здесь. Хотели уточнить кое-что, но не решились идти к наставникам – им сейчас нелегко.

– А мне, можно подумать, легко! – призрак всхлипнула, закусив губу. – Думаете, я любила Марти меньше остальных?

– Нет-нет, – Элмерик толкнул невежу Джеримэйна локтем в бок. – Мы уважаем ваше горе. Мартин был и нашим другом тоже. Может, нам зайти потом?

К его удивлению, леди Эллифлор покачала головой.

– Ладно, спрашивайте. Не обещаю, что расскажу всё: кое-что я обещала хранить в тайне. Но... побудьте со мной ещё немного.

Элмерик подумал: как же ей, должно быть, грустно и одиноко там, в книге. Тут у кого хочешь характер испортится! Интересно, какой она была при жизни?

А Джеримэйн уже приступил к расспросам:

– Это правда, что у близнецов магия сильнее?

– Раньше считалось так. Потом стали говорить, что это не влияет на способности к чарам, но Каллахан остался приверженцем старых взглядов.

– Сейчас он думает по-другому, – Элмерик счёл должным вступить за наставника. – Среди новобранцев только у Келликейт была сестра.

– Вот как? – Эллифлор вскинула брови. – Не слишком на него похоже. Надеюсь, это не означает, что Каллахан впал в отчаяние...

Джеримэйн нахмурился:

– Вы чё, намекаете, что он понабрал всякий сброд? Мы так сильно вам не нравимся?

– Мне определённо не нравятся ваши манеры, мальчики. А в деле я вас не видела. Неумелые чары с иллюзиями и истинным зрением не в счёт – я имею в виду настоящее колдовство. Впрочем, если это успокоит вашу детскую гордость, у Дэррека тоже нет ни братьев, ни сестёр. А у Шона только сводные. Но вам до их способностей далеко.

– Ну это пока! – хмыкнул Джеримэйн, задирая нос. – Кстати, о мастере Шоне. Почему он носит маску, вы случайно не знаете?

– Увы, я не знаю. Мы с Флорианом пришли в отряд позже остальных. На вопросы он не отвечает, а слухи ходят самые противоречивые. Одни говорят, что маска скрывает жуткое уродство, другие, наоборот: будто его красота столь ослепительна, что её нельзя показывать людям. Каллахан точно в курсе – они ведь с Шоном кузены по линии отца и выросли в холмах вместе. Дэррек тоже: ему ведомо всё и про всех, но он умеет хранить чужие тайны. Ну и Мартин наверняка знает. То есть, знал... – Леди-призрак промокнула платком покрасневшие уголки глаз.

– А я слышал, как мастера Каллахана называли Белым Соколом, а ещё – королём. Он и правда король? – Джеримэйн торопился задать как можно больше вопросов.

– Нет, но мог бы стать им, если бы захотел. Неблагим двором сейчас правит его младший брат Браннан.

– Что? – Элмерик подумал, что ослышался. – Но разве Соколы не враждуют с эльфами?

– Каллахан и Браннан поссорились несколько столетий назад. Я не знаю всех подробностей, да и знать не хочу. И вы не забивайте себе голову тем, что вас не касается. А врагами Соколов считаются все, кто хочет навредить Объединённым Королевствам и Артуру Девятому, будь то эльф или смертный.

Снаружи вновь разгулялась вьюга. Нижнюю часть оконной рамы облепили крупные хлопья снега – и это в октябре... Даже в холодном Холмогорье такое бывало редко. Элмерик поёжился и осмелился задать ещё один вопрос, давно его беспокоивший:

– Леди, помнится, вы говорили, что считаете бардовское искусство легкомысленным и неподобающим занятием?

– Нам обязательно возвращаться к этой досадной теме? – Эллифлор тоже глянула за окно.

– Но ведь мастер Каллахан тоже бард. Хоть и высокоранговый, но бард же!

– И что с того? Он мне тоже не нравится.

– А как же вы тогда служили под его началом?

– Моя верность и моя приязнь – это разные вещи, мальчик. Не надо их путать. Или вы думаете, что все должны сходить с ума по этому надменному эльфу? Смею вас уверить: я не из таких.

– Простите, я не то имел в виду...

– И тем не менее вы меня оскорбили! Ах, я знала, что этим всё кончится! Вот, значит, чем вы платите за мою доброту? – Эллифлор взмыла над креслом.

– Ну, начало-о-ось... – Джеримэйн закатил глаза.

Леди призрак тоскливо взывала. Её вопль поднял пыль и выдул из углов паутину. И вдруг дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. На пороге стоял Каллахан. Его брови сошлись у переносицы, глаза горели недобрым огнём, на ладони мерцал алый потрескивающий шар. В библиотеке вмиг потемнело, как будто сумерки настали раньше времени. Воздух стал вязким и липким. Элмерик не смог даже отползти в сторону: его словно придавило к полу. Джеримэйн тоже прилип к стене, ловя ртом воздух.

Увидев Эллифлор, эльф растерялся и спрятал руку за спину, сжимая кулак. Свет вернулся, а вместе с ним и возможность дышать. Каллахан подул на обожжённую ладонь и указал ученикам на выход:

– Вон отсюда! Оба!

Элмерик и Джеримэйн не заставили просить себя дважды. Скатившись вниз по лестнице, они привалились к бревенчатой стене, пытаясь отдышаться.

– Я думал, он нас прямо там размажет! – простонал Джерри, сползая на пол. – Ну и силища!

Элмерик упал рядом, виском привалившись к его плечу.

– Это что было вообще? Дикая магия?

– Ага! – Джеримэйн не скрывал восхищения. – Видал, какой бешеный примчался? Наверное, призрака почуял. Или решил, что это Лисандр лезет.

– Ой! – бард широко раскрыл глаза. – А ведь леди Эллифлор не хотела его видеть. Неудобно вышло...

– Ну чё могу сказать: значит, сегодня ей не повезло!

Дождаться, пока эльф выйдет из библиотеки, они благоразумно не стали. А когда вернулись на следующий день, книга бесследно исчезла.

Глава четвёртая

– Ай! – Элмерик схватился за лоб.

Он как раз собирался войти на кухню, когда Розмари выходила, и вlepила ему дверью.

– Ой, прости-прости, – зачастила она. – Давай холодненького приложу-та.

– Ничего страшного, – бард через силу улыбнулся. Ему совсем не хотелось, чтобы Розмари переживала. Подумаешь, шишка! Сколько их ещё предстоит набить за жизнь?

– Не спорь! – девушка силой вытащила его на кухню, усадила на скамью и схватила со стола кусок сливочного масла в тряпице.

Элмерик подался вперёд, Роз с маслом в тот же момент наклонилась, и они чуть было опять не столкнулись лбами.

– Да что ж такое-та, – девушка в смущении отпрянула. Из её кармана выпало и стукнулось об пол веретено с шерстяной нитью алого цвета.

Элмерик поднял, присмотрелся. Нить была намотана каким-то хитрым образом, образуя узор.

– Что это? Тоже какой-то оберег?

Розмари залилась краской.

– Дурак ты, что ли? Будто сам не знаешь, для чего оно надобно-та.

– Э-э-э... Чтобы прясть?

Девушка уставилась на него, как на какую-то диковинку, а потом расхохоталась. Элмерик даже на всякий случай оглядел себя: вдруг что-то не так?

– погоди, ты и правда не знаешь? У вас в Холмогорье девки чё, не гадают?

– Гадают, конечно: по воску от свечи, по зеркалу, на дощечках и по следам на дороге... А вот чтобы по веретену – такого не припомню. Наверное, это ваш, южный обычай.

– Ну и зря! – Розмари вздёрнула нос, вид у неё стал важный. – Сейчас для гаданий самое лучшее время-та. Вот у нас-та в деревне и мужики погадать не гнушались. Бабы потом жаловались: хватить – а веретён-то и нет. Зато знамо кто и пошто спёр. Его нужно на ночь под подушку положить-та, и ветку рябины привязать. Тогда увидишь сон про того, с кем судьба крепко-накрепко связана. Али предупреждение какое-та. Не думай: это не любовные чары, с ними-то я ни-ни! Это чтобы важный человек приснился. Тот, кто неизгладимый след в твоей судьбе оставит. А когда ты его встретишь, то сразу узнаешь-та.

– А ты уже посмотрела свой сон? – Элмерик всё-таки вспомнил про масло и приложил его ко лбу.

– Конечно!

– И кого увидела?

Розмари, подбоченившись, фыркнула:

– Ха! Так я тебе и сказала. Не твоё это дело-та. Может, эльфа!

– Мастера Каллахана? Вот уж кто точно оставляет неизгладимый след в душе каждого.

– Я не говорила, что это был он.

– А кто? – у Элмерика возникло подозрение, что Розмари его дурачит, но, кажется, та говорила серьёзно.

– А кто ж его знает-та... Встречу – узнаю. Или нет. Я лицо плохо запомнила-та.

– Слушай, а может, одолжишь мне своё веретено? Всего на одну ночь. Я тоже хочу попробовать.

– Ох, ну ты и придумашь-та!.. – Девушка глянула на него с недоверием, но потом всё же кивнула. – Ладно. Не потеряй только. И смотри, чтобы ветка рябины была свежая, иначе не сработает. А когда срежешь её и пойдёшь к дому-та, ни в коем случае назад-та не оглядывайся. Особенно коли шаги за спиной услышишь-та.

– Рябина сразу за забором растёт. Надо только успеть до темноты, – Элмерик глянул за окно: солнце уже коснулось верхушек леса, и сумерки были не за горами. – А что за шаги?

Розмари понизила голос до шёпота:

– Когда собираешься-то гадать незадолго до Самайна, по твоему следу может пойти мертвец. Так он выбирается в мир живых-та. Обернёшься – и пиши пропало. Либо сразу там же от страха престаишься-то, либо до конца года не доживёшь, потому что мертвец за собой утянет-та. Ясно тебе?

– Куда уж яснее. Спасибо, что предупредила. Я ни за что не стану оборачиваться!

Сжимая веретено в руке, Элмерик помчался к выходу.

Когда он, впопыхах натянув куртку и шапку, выскочил на улицу, небо уже окрасилось закатным багрянцем. У него было не более получаса в запасе.

Рябину бард отыскал быстро. На её ветвях пламенели алые ягоды, и с десятков крупных ворон слетелись на угощение. Завидев его, птицы захлопали крыльями и взмыли в воздух, оглашая окрестности громким карканьем.

– Я только на минутку, – заверил их Элмерик, карабкаясь по нижним сучьям: до ягод ещё надо было дотянуться.

Нога соскользнула по мокрой коре; он чуть было не сорвался, но всё же удержался. Вот только вляпался ладонью прямо в птичий помёт.

Вторая попытка оказалась более успешной. Уцепившись покрепче за шершавый ствол, бард срезал тонкую веточку, ещё не тронутую птицами, и мысленно попросил прощения у дерева, как учил мастер Патрик. Любое растение требует вежливого обращения, а обиженная рябина не годится для оберегов и чар.

Спрятав добычу за пазуху, Элмерик ловко спрыгнул на землю, даже не поморщившись: мастер Шон оказался хорошим лекарем, и нога больше не болела. Интересно: почему он не смог вылечить мастера Патрика? Хотя, тому, наверное, досталось сильнее...

Вороны опять закаркали. Элмерик хотел оглянуться, но вовремя вспомнил предупреждение Розмари. Нельзя! Он плотнее натянул шапку на уши и зашагал к колодцу, чтобы отмыть испачканную руку.

Смеркалось быстро, и нужно было успеть вернуться в срок. Элмерик глубоко вдохнул и выдохнул. Времени полно, он всё успеет. А вороны – просто дурные птицы, шумят по поводу и без. Успокоиться не вышло. Бард готов был поклясться, что чувствует чужой взгляд, направленный ему в спину. Уже во второй раз он чуть не обернулся.

Прикрыв глаз, Элмерик перешёл на истинное зрение. Холм и колодец выглядели обычными, а о том, что позади, он старался не думать. Может, ему вообще почудилось?

Пройдя ещё десятка два шагов, он убедился – нет, не почудилось. Кто-то крался по пятам и дышал ему в спину. И ладно, если и впрямь мертвец. А что, если Лисандр?

Сердце заколотилось, как бешеное. Больше всего Элмерiku хотелось броситься бежать со всех ног, спрятаться за оградой. Но тогда преследователь поймёт, что его обнаружили и может напасть. Пусть уж лучше следит исподтишка.

Дойдя до колодца, бард сбросил ведро и повернул скрипучий ворот. Одной рукой это было делать не так-то просто, но перемазаться в птичьем помёте ещё больше ему не хотелось. Тем более что вторая рука могла понадобиться для защиты: пальцы сами собой сложились в щепоть для отбрасывающего заклятия. Сохранять невозмутимый вид становилось всё сложнее. Цепь слишком медленно ползла вверх, наматываясь виток за витком. Мышцы ныли, всё тело охватила нервная дрожь. Элмерик упёрся коленом в колодезный сруб, и дело пошло быстрее. Закрепив цепь, он ухватил ведро за ручку и потянул на себя, но второпях оступился. Сапоги вмиг разъехались на льду.

Хватая ртом морозный воздух, бард начал неловко заваливаться назад. Ох, только бы опять не сломать чего-нибудь! Он зажмурился, смирившись с неизбежным падением и ожидая удара, но вдруг чьи-то сильные руки подхватили его под мышки и рывком поставили на ноги.

– Эй-эй, осторожнее!

Услыхав знакомый голос, Элмерик напрочь забыл о предупреждениях. Резко – аж шея хрустнула – обернулся и остолбенел: ох, и правда мертвец!

Сердце ухнуло в пятки, крик застрял в горле, ведро выпало из рук и вода разлилась на землю, окатив штаны до колен, но всё это было уже не важно. Потому что рядом стоял Мартин.

Несколько мгновений бард ловил ртом воздух, а потом вдохнул и завопил так, что у самого в ушах зазвенело.

Ох, права была Розмари. Она часто оказывалась права. Только поздно: он уже обернулся. Теперь беды не избежать.

Мартин закрыл ему рот ладонью, а потом, хорошенько встряхнув за плечи, развернул к себе:

– Да не ори ты. Это всего лишь я.

В истинном зрении старый приятель (или всё таки упырь, занявший его тело?) выглядел не лучшим образом: бледное лицо отливало синевой, на левой щеке алели царапины, воспалённые глаза налились кровью, а на шее виднелся багровый, как у висельника, след. Плечи укрывал тот самый плед, который Мартин оставил лианнан ши (ну, или какой-то очень похожий). Проклятие, лишаящее радости даже смотрящего, всё ещё было на месте, только теперь пульсирующий чёрный туман пронизывали иглы льда, похожие на заоконную изморозь. А в воздухе витал сладкий яблочный аромат – такой неуместный для этого времени года.

– М-м-мартин... – Элмерик не узнал собственного голоса: он заикался, прямо как Орсон в худшие дни.

Стуча зубами от страха, бард поднял руку в охранном жесте. Так, спокойно. Он многому научился у Соколов и к тому же знает истинное имя упыря:

– Оставь меня в покое, Мартин! Уходи, откуда пришёл!

Несмотря на все злоключения, помирать прямо сейчас Элмерiku не хотелось. Глупо было бы не дожить до конца года лишь потому, что любопытство оказалось сильнее здравого смысла. Тем более что колдовской год обычно считался как раз от Самайна до Самайна, и до праздника оставались считанные дни...

Улучив момент, бард вывернулся и со всех ног рванул в сторону дома, то и дело оскальзываясь на талом снегу и чертя в воздухе защитные фэды (от спешки те получались криво). Позади ему чудились хлопанье крыльев и карканье ворон. Тьма бежала за ним по пятам, а до спасительной изгороди под защитой каменного круга было ещё далековато. Как только последний луч солнца погаснет в небесах, обещание, данное Каллахану, будет нарушено. Тогда ни обереги, ни заклатья – ничто не поможет. У нарушенного гейса цена одна – жизнь.

Он успел перемахнуть через изгородь за миг до наступления темноты, развернулся и размашисто начертал в воздухе печать против нежити. На этот раз получилось: огненные линии вспыхнули, перегораживая Мартину путь. Может, мельница и была под защитой Каллахана, но так было спокойнее. Такую печать ни один мертвяк не смог бы пройти.

Искрящиеся линии слепили глаза, и Элмерик не сразу заметил, что Мартин стоит совсем рядом – по ту сторону ограды. Можно руку протянуть – и коснёшься. Языки пламени плясали в его зрачках, а в ночной тиши слышалось тяжёлое дыхание. Их разделяли только печать и хлипкий забор, потемневший до дождей и времени...

– Уходи! – прошипел Элмерик. – Ты не сможешь пройти. Это место заклято от не-мёртвых.

Мартин усмехнулся, но вышло как-то невесело:

– Эй! Не глупи. Я живой, вообще-то.

Бард замер. Ему хотелось верить, но слишком страшно было обмануться.

– Чем докажешь? Я сам видел тебя мёртвым! И не только я.

Время уже даже не замедлилось, как это бывает в такие моменты, а будто перестало существовать вовсе.

Мартин пожал плечами и перемахнул через изгородь – прямо сквозь заклятие. Его волосы подсветил магический огонь, создав вокруг головы сияющий ореол, а черты лица совсем потерялись в темноте.

– Мёртвый бы не прошёл, а я прошёл.

Пламенная преграда, ничуть не потревоженная, горела у Мартина за спиной так же ярко, как прежде. Из его рта вырывался пар (а тёплое дыхание, как известно, нежити не свойственно). Элмерик похлопал глазами, всхлипнул и уткнулся лбом в его плечо, обнимая обеими руками. От клетчатого пледа пахло сырой овечьей шерстью, костром и яблоками.

– Ну ты и напугал меня... – бард осёкся, проглотив словечко «дурень».

Перед ним был не просто старый друг, а один из Соколов – ровесник мастера Патрика, чародей на королевской службе, не раз побывавший в бою; старик с внешностью юнца – всё это не укладывалось в голове.

– Прости, я не хотел, – Мартин попытался высвободиться из цепких объятий, но не успел; лёгким движением он взъерошил волосы Элмерика, словно успокаивая испугавшегося ребёнка. – Кто ж знал, что ты слова мне не дашь сказать, сразу орать начнёшь! Понимаешь, так было нужно: чтобы все считали, что я умер.

– Так уж и все? – Элмерик старался не подавать виду, но в дрогнувшем голосе прозвучала обида. – Можно подумать, мастер Патрик и мастер Шон не знали. Или мастер Каллахан...

– Знали, – Мартин не стал отрицать очевидное. – Но молчали. И вовсе не потому, что мы не доверяем вам, как ты сейчас наверняка думаешь. И не потому, что решили посмеяться над вами. Это долгая история. Думаю, Каллахан скоро всё объяснит.

– Объяснит он, как же!

– Сегодня за ужином. Он обещал. И прошу: не говори пока никому, что я жив. Командир велел мне не показываться вам на глаза, пока он – по его выражению – не «подготовит почву». А я шёл от лианнан ши. Надо же было поблагодарить её. Увидел, что ты крадёшься так, будто за тобой следят все болотные бесы в округе, ну и решил проверить, не случилось ли чего.

Элмерик наконец разжал руки и улыбнулся. Теперь он верил, что всё наладится. Джерри и Розмари с ума сойдут, когда узнают! А Орсон-то как обрадуется! Ведь выходит, что Келликейт никого не убивала. Правда, её роль в этой истории всё ещё оставалась неясной...

Элмерика распирало от вопросов, но Мартин приложил палец к губам.

– Ш-ш-ш, ни слова больше. Сюда кто-то идёт.

Бард отвёл взгляд лишь на мгновение, а когда повернулся, то Мартина уже и след простыл. Впору было бы счесть эту встречу наваждением, если бы не оставшийся в воздухе стойкий запах яблок.

– Эй, ты чё там застрял? – на тропинке показался Джеримэйн. – А ну дуй сюда, новости есть!

Тут он заметил пламенеющую печать у изгороди и присвистнул:

– Ого! Ты, что ль, накладывал?

– Ну я. А что?

– Эту штуку просто так не ставят – значит, повод был. Дома расскажешь, – Джеримэйн вытащил из-за пояса свой колдовской нож и подправил пару линий. Заклятие вспыхнуло ещё ярче.

– Вот. Так-то лучше!

«Видел бы ты этот повод – ещё не то бы поставил!» – подумал бард, едва сдерживаясь, чтобы не пнуть Джерри под колено. Обязательно нужно было выпендриться, да?

И тут его осенило: а что, если Мартин перепрыгнул преграду лишь потому, что та была плохо нарисована?

– Она не работала?

– Почему? Очень даже работала. Но я улучшил заклятие.

– То есть, мертвяк не смог бы через неё пройти? – Элмерик схватил Джеримэйна за плечи и развернул к себе.

– Да чё ты? – тот сбросил с себя руки барда. – Твоя печать схлопнулась бы через четверть часа, а так до утра простоит. Да и не единственная она тут. Если ты своим истинным зрением согласишься, сам увидишь. Наставники который день на ушах стоят. Такое ощущение, что мы под осадой.

– Кто знает: может, так и есть...

Элмерик выдохнул. Уф, значит, Мартин всё-таки живой! Теперь его ещё больше распирало от желания рассказать Джерри о недавней встрече, но нужно было молчать. А ещё – придумать хорошее объяснение, почему вдруг понадобилось ставить печать от нежити. Идей у него не было, поэтому, пока Джерри тащил его к дому, Элмерик готовился импровизировать. К счастью, ему не пришлось.

– Остановите этого дуралея-та. Я одна не справляюсь, – Розмари стояла в дверях, раскинув руки. Орсон пытался её обойти, но безуспешно.

– И куда это наш здоровяк собрался? – Джеримэйн поднырнул под её руку, оказавшись с Орсоном нос к носу. Тот молчал, но Розмари ответила за него.

– Увидел в окне свет очей своих-та. Я имею в виду Келликейт. Грит, жизнь положу, а вытаску её.

– Я спасу её. И узнаю правду. Чего бы мне это не стоило, – тихо, но веско подтвердил Орсон.

– Ты совсем сбрендил? – Джеримэйн ничуть не испугался его гневного взгляда. – Опилки у тебя в башке, Орсон Глендауэр! Или нет, даже навоз. Со всех Трёх Долин собирали.

– Кто тебе правду-та скажет? – поддержала Розмари. – Ежели она виновата, ни в жисть не признается! А ежели не виновата... как ты отличишь, не брешет ли?

– Я пойму по глазам.

– Ой ли? А Рик много, что ль, понял-та по гляделкам той эльфийки? Прости, Рик, но это правда. Обманула тебя эта ведьма-та. Стало быть, ты лопух. А Сонни лопух ещё больший, чем ты... Вот и скажи ему!

– А что тут сказать? – Элмерик просочился в комнату и бросил промокшую насквозь куртку на табурет. – Меня вы смогли бы отговорить? Нет. Вот и его мы не отговорим. Так ведь?

Орсон бросил на него благодарный взгляд и коротко кивнул. Кажется, он уже не ждал поддержки и был приятно удивлён.

– Расскажи, что ты видел?

– Силуэт в окне. В комнате мастера Патрика. Она тоже увидела меня. Сразу отпрянула, конечно. Но я узнал. Это точно Келликейт. Я звал её, но она не откликнулась, а потом свет и вовсе погас.

Он словно взвешивал каждое слово. Элмерик не сразу понял, что эти короткие, рубленые фразы являются признаком отнюдь не раздражения, а волнения. Орсон очень старался не заикаться – и у него получалось.

– И что ты намерен делать?

– Пойти туда.

– Вот просто взять и пойти! – губы Джеримэйна искривились в ухмылке. – Да там защитных чар стоит столько, что ты считать собьёшься! К тому же, если это и впрямь Келликейт, то она ясно дала понять, что не хочет тебя видеть.

– Отступают только трусы, Джеримэйн!

– О! Неужели благородный сэра наконец-то выучил моё имя? Посмотрите-ка, и трёх месяцев не прошло.

– А ну прекратите оба! – крикнул Элмерик, вставая. – Мы должны помочь Орсону. Он наш друг, разве нет? Пускай затея кажется спорной, но если он пойдёт один, то непременно натворит дел.

– Ой, натворит-та... – эхом отозвалась Розмари за его спиной.

– Ладно, бесы вас подери, я в деле! – Джеримэйн по привычке хотел сплюнуть на пол, но сдержался. – Может, на стрёме постою.

А Элмерик, сияя, продолжил:

– Идти после ужина, когда все будут спать. В прошлый раз нам не повезло, но в этот мы не будем надеяться на маковый пирог, я спою песню.

– А мы сами не заснём? – засомневался Орсон.

– Вы вставьте затычки в уши, – Элмерику нравилось, как складно он всё придумал. Если Мартин прав и мастер Каллахан собирается объяснить всё за ужином, то идти выручать Келликейт вообще не придётся.

– Рыжий, а ты уверен, что твоя песенка усыпит наставников? Они всё-таки могучие колдуны.

Бард ждал этого вопроса, и у него был заготовлен ответ.

– Конечно, я не справился бы, если бы они ждали подвоха и пытались мне противостоять. Но они же не ждут.

– Я просто скажу, что мне не нравится эта идея, – Джеримэйн сверлил его взглядом, будто что-то подозревая.

– Тогда почему ты сказал, что пойдёшь? – нахмурился Орсон.

– Потому что, как и ты, хочу выяснить правду. И если Келликейт виновна, я не позволю тебе её отпустить. Любовь – любовью, а справедливость – справедливостью.

– Договорились.

Они с Орсоном пожали друг другу руки, а Элмерик с облегчением выдохнул. Ему хотелось думать, что мастер Каллахан был бы доволен – ведь так поступают барды, да? Объединяют тех, кто готов поссориться? Эх, жаль, ему не расскажешь.

* * *

Ужин шёл своим чередом, отличаясь от вчерашнего или позавчерашнего только начинкой в пирогах, и Элмерик начал беспокоиться. А вдруг Мартин ошибся и мастер Каллахан сегодня ничего не собирается рассказывать? Может выйти, что они здорово влипли, и ему вскоре придётся разубеждать всех с тем же жаром, с которым прежде уговаривал. И ладно бы Джерри и Роз, но Орсона отговорить точно не получится. И что тогда делать? Подстеречь и исподтишка огреть по голове дубинкой? Рассказать всё наставникам? Ни один из проходящих на ум вариантов не был достаточно хорош.

Не имея возможности открыто высказать беспокойство, бард вертелся на лавке, чуть не опрокинул солонку, уронил на пол салфетку, а потом долго вертел в руках ломоть хлеба, щедро осыпая стол крошками. Розмари, заметив его метания, вопросительно вскинула брови, но он лишь махнул рукой – дескать, потом.

Когда тарелки опустели, Элмерик почти потерял надежду. И тут звучный голос Каллахана грянул, как гром среди зимнего неба:

– Не спешите расходиться. Есть кое-что, о чём вам следует знать.

Розмари вздрогнула. Орсон выпрямился, словно оглоблю проглотил. Джеримэйн весь подобрался, как перед прыжком. Похоже, никто из Соколят уже давно не верил, что новости могут быть хорошими.

– Через несколько дней на мельницу приедет гость, чтобы остаться здесь до первого полнолуния после Самайна. Он не будет вас ничему учить, но вам следует отнестись к нему почтительно, как к наставнику.

Соколята вразнобой закивали, на их лицах было написано равнодушие, а вот Элмерик почувствовал досаду: он ждал совсем другой новости. Джеримэйн и Розмари о чём-то зашумели между собой, но Каллахан, отставил кубок, стукнув по столу витой ножкой. Этому хватило, чтобы восстановить тишину.

– Я ещё не закончил. Но если есть вопросы, задайте их мне, – едва заметно хмурясь, он перевёл цепкий взгляд на Розмари, и даже Элмерик, сидевший рядом с девушкой, почувствовал себя неуютно. – Что ты хотела?

– Ничего особенного, мастер Каллахан, – ответил вместо неё Джеримэйн. – Мы просто обсуждали, сможет ли этот гость повлиять на исход сражения, которое ждёт нас в полнолуние. А то Соколов осталось маловато, вы сами говорили... Он ведь нам помочь приезжает?

– Не совсем так. У нашего гостя – можете называть его Риэган – будет своя задача в день Зимней битвы. Но не беспокойтесь, Соколов больше, чем вы думаете. Я буду рад представить вам ещё трёх соратников.

– Трёх? – склоняясь к самому уху эльфа, тихо уточнил мастер Шон. – Кто третий?

Каллахан приложил палец к губам.

Судя по недоумению мастера Флориана, который впервые поднял взгляд от своего кубка, для него это тоже стало неожиданностью.

Командир улыбнулся – кажется, впервые на его точёном лице Элмерик увидел именно улыбку, а не её едва заметную тень на бледных губах.

– Все вы хоть и чародеи, а отвыкли от чудес. Но чудеса не в обиде, что их никто не ждёт. Они просто случаются.

Мастер Флориан закатил глаза, всем видом показывая, что только нравоучений им сейчас не хватало, а Элмерик почему-то обрадовался. Выходило, что даже наставники знали не всё. Вон даже мастер Шон удивился, а он как никак правая рука командира.

– Сперва хочу представить вам кое-кого. – Каллахан сделал приглашающий жест в сторону двери. – Леди Келликейт Флойд, добро пожаловать к столу!

Розмари тихонько ахнула, когда Келликейт проскользнула в гостиную, а Элмерик мельком успел глянуть на лица наставников, чтобы убедиться: явление Келликейт для них не новость. Её-то как раз ждали.

Мастер Каллахан назвал родовое имя и титул – это означало, что девушка больше не была преступницей. Но она всё равно не стала менять простое платье из тёмно-синего льна на что-то более подходящее леди, лишь прибрала отросшие чёрные пряди под костяные гребни и шпильки – на косы длины волос ещё не хватало. В её взгляде читалась усталость, а тени под глазами, казалось, добавили ей пару лишних лет. Кожа на том месте, где раньше была защитная птица мастера Патрика, выглядела слегка порозовевшей, но самого отпечатка больше не было. Но главное – руки Келликейт больше не сковывала тяжёлая цепь, и лишь не до конца зажившие запястья, ставшие будто ещё тоньше, напоминали о былом наказании.

– За смелость в сражении и впечатляющую силу духа леди Келликейт Флойд заслужила прощение за все былые проступки и получила Посвящение раньше прочих учеников. Если у вас были какие-то сомнения на её счёт, избавьтесь от них.

– Вот же... – с плохо скрываемой завистью, но беззлобно выдохнул Джеримэйн. – Пролезла вперёд всех, будто кошка!

– Я рада снова быть здесь, – Келликейт присела в реверансе. Замечание про кошку она благоразумно пропустила мимо ушей. – Моё Посвящение случилось быстро и неожиданно, но я ещё надеюсь принять участие в торжественной церемонии вместе с вами.

Орсон размашисто и громко захлопал в ладоши, и все прочие присоединились к нему, чувствуя вконец смутившуюся девушку: такой встречи она не ожидала.

Келликейт присела на край лавки, заняв место рядом с мастером Флорианом. Элмерик успел заметить, как она, проходя мимо Орсона, всего лишь на миг ободряюще накрыла его плечо своей маленькой ладошкой и коротко кивнула.

– Я знаю, у вас много вопросов, – продолжил Каллахан. – Обещаю вскорости удовлетворить ваше любопытство. Но сперва позвольте представить ещё одного из Соколов. Его вы тоже знаете. Мастер Мартин Мэй – ваш будущий наставник по обращению с волшебным оружием...

– И надеюсь, что по прежнему ваш хороший друг, – даже Элмерик не заметил, как Мартин появился в дверях. Он словно всегда там стоял.

В гостиной воцарилась тишина. У Джеримэйна отвисла челюсть, Розмари схватила за сердце и шумно сглотнула, а Орсон выронил кусок хлеба, не донеся до рта. Келликейт спрянула лицо в ладонях, и сперва барду показалось, что девушка плачет, но потом он понял свою ошибку: это было облегчение. И радость. Будто всё самое худшее осталось позади.

Даже под маской было видно, как улыбается мастер Шон, пропуская друга на его законное место и хлопая того по плечу.

В этот момент Розмари, не выдержав, пронзительно взвизгнула и повисла у Мартина на шее, болтая ногами в воздухе.

– Вот же, на тебе! – она захлёбывалась словами. – Живой! А мы уж схоронили тебя совсем. Все горевали. Слез-та пролили сколько! Уйму!

– Ага, живой, – подтвердил Мартин, закружив её в объятиях. – Чудом.

От Элмерика не ускользнул его благодарный взгляд в сторону Келликейт.

– Не пугай-та нас больше! – до Розмари наконец дошло, что она ведёт себя неподобающе. Девушка расцепила руки и поспешно оправила сбившийся передник. – Так как нынче тебя величать-та? Ты ж, выходит, важный человек. Мастер Мартин, что ль?

– Зовите по имени, как и прежде. Всё равно скоро все пройдут Посвящение. Надеюсь, что все, – Мартин сел на место и кивнул Каллахану. – Думаю, пора рассказать, как было дело.

Эльф прикрыл глаза. Хрустальные бусины в его волосах преломляли свечной свет, отчего на поверхности стола плясали причудливые блики. Соколята притихли, и Элмерик невольно затаил дыхание.

– Как вы уже знаете, Врата открываются дважды в году, – заговорил Каллахан, не поднимая век. Его лицо выглядело сосредоточенным, между бровей залегла суровая складка. – Это случается зимой и летом в кануны Самайна и Бельтайна. Сквозь Врата можно попасть в иные миры: в волшебную страну и зелёные холмы, куда путь известен лишь эльфам; в земли, где по руслу рек бежит жидкий огонь и даже камни плавятся от невыносимого жара; в земли вечной метели, где люди никогда не видели весны и даже птицы замерзают на лету; в земли, где всегда идёт дождь, а также в другие края, коих есть бесчисленное множество. Врата – не единственные пути меж мирами, но самые простые. Когда они открыты, пройти сквозь них может кто угодно – даже тот, кто начисто лишён магии. Некоторые можно запечатать, но не все и не навсегда... Давным давно, когда эльфы, бывшие ещё единым народом, впервые пришли на эти острова, весь мир принадлежал великанам фоморам. Это были уродливые и жестокие создания, не желавшие ни с кем жить в мире. Началась кровопролитная война, длившаяся не одно столетие: о ней было сложено множество баллад. В решающей битве, которая случилась как раз в канун зимы, наши славные предки с трудом, но одержали победу. Фоморы были вынуждены бежать, бросив не только оружие, но даже павших. Они нашли укрытие за Вратами и заселили один из миров, называемый Туманными Землями. Мир этот был недружелюбен и дик, как и сами фоморы. Новый дом не пришёлся им по нраву. С тех пор они жаждут мести, следят за нами, мечтая сокрушить преграду, чтобы, вернувшись, поработить и людей, и эльфов. Но Врата, ведущие в их мир, отворяются не всякий раз. И никто не знает, когда и где откроется

путь в Туманные Земли. Многие годы мы пытались научиться угадывать место и время, нанося на карты прежние точки открытия, а больше всех старался Лисандр. Уже после его предательства стало ясно, что негодяй добрался до фоморов и о чём-то сговорился с ними за нашими спинами. Но мы расстроили эти планы до того, как они претворились в жизнь. Единственный способ заточить могущественного чародея – это отправить его в один из далёких миров и запечатать Врата. В первый раз я почувствовал жалость, не довершил ритуал – и Лисандру удалось сбежать. Он долго прятался, но сорок лет назад я всё же его настиг и запечатал, – Каллахан открыл глаза и сделал глубокий вдох, словно вынырнув из глубины на поверхность вод.

Элмерик слушал внимательно, но пока ни на шаг не приблизился к разгадке. Как потомственный чаропевец, он слышал легенды о великанах, очень боялся их в детстве. Почему Лисандр с ними спутался, было понятно: рыбак рыбака видит издалека. А что получил по заслугам и сам оказался в заточении – так ему и надо, негодяю! Вот только при чём тут были Мартин и Келликейт?

Он сам не заметил, что задал этот вопрос вслух – и тут же получил полный негодования взгляд мастера Флориана, весьма болезненный пинок от Джерри чуть ниже колена и тихий смешок Мартина на сдачу.

Мастер Каллахан, вопреки ожиданиям, не разгневался. То, что наставника нельзя перебивать, Элмерик уяснил ещё в детстве, когда получил от деда смывком по пальцам, поэтому готов был понести заслуженное наказание. Но его не последовало.

– Терпение, – эльф отпил глоток остывшего вина из кубка. – Патрик предупреждал, что вам его не хватает. Но этот недостаток проходит вместе с молодостью. Даже у людей.

Будто не замечая раскаяния, алыми пятнами проступившего на лице барда, он продолжил рассказ:

– Несколько десятилетий мы ничего не слышали о Лисандре. Но он всё это время упорно искал обратный путь. И, кажется, нашёл. А если же Лисандру это удалось – значит, и фоморы справятся. Особенно если им поможет тот, кто уже побывал за Вратами, сломал печать и сумел вернуться. Поэтому Лисандра нельзя выпускать. Если понадобится – даже ценой собственной жизни. Несколько дней назад Мартин почти это и сделал.

– К счастью, только «почти», – Мартин коснулся багровых кровоподтёков на шее.

– Мы узнали, что враг нашёл способ следить за нами из своего мира, – Каллахан сплёл пальцы в замок и опёрся о них подбородком. – И подозревали, что способ говорить он тоже рано или поздно отыщет. А дальше ему понадобится помощник, чтобы открыть двери с этой стороны. Родная кровь могла притянуть его, как путеводная нить, поэтому мы думали, что кто-то из вас окажется эльфом под личиной. Поэтому и Мартин притворился новобранцем. Чтобы наблюдать. Вы уже знаете, что этим эльфом оказалась Брендалин. На наше счастье, она была неопытна и боялась не справиться в одиночку, поэтому любящий дядюшка заставил лианнанши помочь ей. Но та оказалась плохой союзницей и пожаловалась Мартину на свою горькую долю. Он успел закрыть Врата, через которые Лисандр почти прошёл, но попал под его дурной глаз. Для любого другого это означало бы верную смерть, но проклятие королевы Медб не давало Мартину умереть от заклятия, каким бы сильным оно ни было. По сути, это означало, что он будет умирать вечно, но не умрёт никогда. И единственным способом спасения было убить его, что и сделала Келликейт. Её зачарованная цепь обладала свойствами волшебного оружия, а лишь оно способно было причинить Мартину вред.

Розмари ахнула, всплеснув руками:

– Помнится, вы говорили, что не сдюжили воскресить Артура Пятого своими силами. И понадобилось-та, чтобы королева Медб подсобила. Неужто и сейчас?..

– Бр-р, нет! Спасибо, справились без неё, – поёжился Мартин.

А мастер Шон добавил:

– Вот уж кого не было и не надо!

– С момента кончины Его Величества прошло... – Каллахан на пару вздохов замешкался, считая в уме. – ...полтора века. Срок, конечно, небольшой, но кое-чему мы научились. По правде говоря, Мартин был мёртв всего несколько мгновений, и наших сил вполне хватило, чтобы раздуть жизнь из последней искры и поддерживать её до тех пор, пока пламя не разгорится вновь. С королём было всё иначе.

– Так чё, в грядущей Зимней битве могут полезть и Лисандр, и фоморы. А могут и не полезть. Но если полезут, то нам крышка, так? – Джеримэйн обычно выбирал выражения при мастере Каллахане, но, только не сегодня. Похоже, рассказ его слишком впечатлил.

– Вроде того, – кивнул Мартин. Он грел ладони о свой кубок, но вина не пил. – А ещё непременно полезут всякие неприятные, но менее сильные существа. С ними вы и будете разбираться, пока мы сосредоточимся на главном.

– Так бы сразу и сказали-та! – Розмари принялась обмахиваться передником. – Наконец-та всё понятно.

– А то раньше было не понятно? – фыркнул Джеримэйн. – Уже сколько нам про эти Врата талдычат? А закрыть силёнок не хватает.

– Ну почему же не хватает? – улыбнулся Орсон. – Я сегодня, например, закрыл. Небольшие, конечно, но всё же...

– Ты?... – Джеримэйн округлил глаза. – Один? И никто не помогал?

– Я бы не решился идти спасать Келликейт, если бы не это. Мастер Каллахан ясно дал понять: я встречу с ней не раньше, чем смогу закрыть свои первые Врата. В итоге так и вышло.

– Кстати, Орсон! – Мартин, подойдя, хлопнул его по плечу. – Меч-то верни!

– Так это твой? То-то с ним легче всё получается! А покажешь ещё раз, как ты тогда из кувырка сразу в атаку...

– Покажу. Завтра с утра – идёт?

Несмотря на ещё не зажившие раны, Мартину явно не терпелось вернуться в строй.

– Отдохнул бы ты ещё пару дней, Март... – вздохнул мастер Шон. – Разве я плохой инструктор?

– Нет, но... – Мартин задумался, подбирая слово.

– Что значит «но»?! Я тут работаю за него, и за себя... А он!

– Ну я же не рвусь вместо тебя учить детей дикой магии!

– Ещё бы ты рвался! То есть ты, конечно, неплох, но...

– Вот именно: «но», – Мартин рассмеялся. – Пускай каждый делает, что умеет. А отдыхать будем после Самайна. С тебя ещё сливочный эль, кстати, помнишь?

– Ну когда ещё Патрик разрешит тебе пить...

– С чего это я стану слушать младшего?

– С того, что твой младший – отличный лекарь. А ты – нет. «Пусть каждый делает, что умеет», – передразнил Шон. – И прежде, чем фехтовать, тоже, кстати, у него разрешения спросишь.

Мастер Каллахан наблюдал за их перепалкой, не вмешиваясь, и Элмерику показалось, что эльфа забавляют эти беседы.

А вот Джеримэйн, напротив, сидел мрачнее тучи.

– Ты слышал? – прошипел он в самое ухо барду. – «Учить детей»! Это мы дети, что ли?

– А ты вспомни, сколько им лет. Мы по сравнению с ними, считай, котята, – шепнул в ответ Элмерик.

– Кстати, Каллахан, открой уже секрет, – рыцарь Сентября, наконец-то закончив препираться с Мартином, повернулся к командиру. – Кто третий? Мартин и Келликейт – это понятно. Но ты говорил о трёх Соколах.

– Ах да, совсем забыл, – эльф поднялся во весь свой огромный рост и достал из сумки уже знакомую Элмериду книгу.

– Смотри! – Джерри снова пнул его под колено. – Это же...

– Вижу, я не слепой! Прекрати пинаться!

Каллахан положил книгу на стол и раскрыл страницы, как распахивают створки дверей:

– Хочу представить вам леди Эллифлор Санфорд, обладательницу истинного зрения, в недавнем прошлом боевую чародейку, а ныне – наставницу по иллюзиям и личинам.

В воздухе за клубился туман, из которого соткалась призрачная фигура. Леди-призрак сменила одежду и причёску: теперь её светлые волосы украшали ленты, бусины и золотые нити, сплетённые в мелкую кружевную сеть по старой эльфийской моде, а пышное платье цвета пыльной розы, расшитое мелким речным жемчугом, выгодно оттеняло молочную белизну кожи.

– Добрый вечер, друзья мои... – начала она заранее заготовленную речь, но закончить не успела.

На дальнем конце стола послышался сдавленный вскрик, а затем глухой стук – это мастер Флориан упал в обморок.

Глава пятая

Добрые новости особенно нужны в те дни, когда вера в лучшее почти иссякла, а советы держаться вызывают лишь раздражение. Для впавших в уныние Соколят нынешний вечер стал просто подарком судьбы и вернул им надежду. И хотя Зимняя битва и Посвящение были ещё впереди, они больше не чувствовали обречённости, а горячий сидр добавлял уверенности в завтрашнем дне.

Соколята никак не могли наговориться и разбрелись по комнатам, когда до рассвета оставалось часа три. И теперь Элмерик тщетно пытался заснуть, сжимая в пальцах деревянное веретено, спрятанное под подушкой. Любой житель Холмогорья непременно посоветовал бы ему считать воображаемых овец, прыгающих через забор, но сегодня даже этот проверенный рецепт не помогал. Элмерик вспомнил семейную легенду. Его знаменитый прапрадед, скрипач Вилберри, частенько страдавший от бессонницы, говорил так: «Настоящий чаропевец перед сном вспоминает не глупый скот, а ноты самой сложной мелодии, какую только может себе вообразить. Если даже это не помогает – значит, нынешняя ночь не предназначена для сна, и до рассвета можно делать что угодно: сочинять музыку, творить чары, искать случайных любовных утех, пить эль и пускаться на поиски приключений, но только не спать».

В другие дни Элмерик с лёгкостью бы согласился с мудрым предком, но именно сегодня ему нужно было увидеть колдовской сон. Значит, пришло время повторить песни, которые мастер Каллахан задал вызубрить на завтра...

Запах спелой рябины был настолько сильным, что даже на языке чувствовалась горечь – похоже, он успел раздавить большую часть ягод, пока таскал их за пазухой. Перед мысленным взором вереницей проносились события последних дней. Он вертелся и комкал простыни, то укрываясь одеялом, то сбрасывая его, зарывался лицом в подушку, а то и вовсе прятал под неё голову, когда Орсон вдруг начинал храпеть. А может, дело было в колокольчиках, звеневших где то неподалёку – почти на грани слышимости...

– *«Взываю к шести дочерям океана, что выткали нитью узор долгой жизни...»*, – шептал бард, шевеля губами.

Он запнулся, натужно вспоминая следующую строфу баллады, отводящей случайную смерть в бою, когда вдруг над ухом прозвучал знакомый до слёз мелодичный голос:

– *«Пусть слава моя не падёт ради смерти, пусть смерть не придёт ко мне так же, как старость»*.

Элмерик вздрогнул, поднял голову и невольно зажмурился от яркого, слепящего солнца. Комната исчезла. Над головой раскинулось чистое синее небо, какое бывает только поздней весной, и сам он лежал в мягкой траве на крутом склоне холма. На нём была летняя одежда: простая рубашка и лёгкая туника из изумрудно зелёного льна. Штаны, подвернутые до колен, открывали босые ноги. В левой руке он не без удивления обнаружил веретено Розмари – всё в желтоватых потёках от рябинового сока.

Место было знакомым, хотя Элмерик точно знал, что ни разу не бывал здесь наяву. Уже трижды он видел эти бескрайние зелёные просторы и белые изгороди из мелового камня, которые поначалу спутал с видами родного Холмогорья. Только теперь он понял, что эти края никогда не принадлежали миру людей. Сиреневые цветы, которые Элмерик когда-то принял за обычные колокольчики, покачивались на ветру и издавали мелодичный звон. На стеблях и листьях блестели хрустальные капли росы (и это было странно: ведь солнце стояло почти в зените). Ветер перебирал травинки, и капли, соприкасаясь друг с другом, тоже тихонько позвякивали.

Элмерик коснулся одной из росинок. Та сорвалась в подставленную ладонь, ранив его неожиданно острым краем. Он отдернул руку, уронив кусочек хрусталя на землю. На кончике пальца выступила кровь.

Девичий силуэт появился прямо перед ним, и Элмерик рывком сел. Солнце светило девушке в спину, но если она хотела остаться неузнанной, ей не стоило петь – этот голос бард узнал бы из тысячи. У него вообще была отличная память на голоса...

Сердце сперва привычно забилося от радости, а потом больно сжалось: он не должен был радоваться встрече с Брендалин. С момента их нелёгкого расставания прошла неделя. Это много или мало? Мысли метались, как стая встревоженных птиц над полем. Но одно Элмерик понимал ясно: если они встретились – значит, всё это сон.

– К чему тебе наши песни? – усмехнулась Брендалин. – Они будут бесполезны и на пирах, и в бою. *«Смерть не придёт ко мне так же, как старость»* – неподходящее заклятие для того, чей век краток. Тебе всё равно не понять их смысла, человек.

– У меня есть имя. И тебе оно прекрасно известно, – процедил Элмерик.

– Что проку в именах? Они ничего не значат, – Брендалин подставила лицо ветру; царапины от когтей лианнан ши на её щеке выглядели совсем свежими.

Теперь бард разглядел, что наряд Брендалин изменился. Её широкое платье струилось до самой земли, цвета перетекали один в другой – от нежно сиреневого и лавандового к тёмно-фиолетовому. Похоже, оно было сделано не из ткани, а из цветочных лепестков. Догадку подтвердил и лёгкий сладковатый аромат, исходивший от девушки. Прежде бард сказал бы, что Брендалин пахнет фиалками, но теперь сложно было выделить какой-то один аромат из десятка других. Элмерик с грустью подумал, что видел лишь одну из многих граней её натуры, не желая замечать все прочие. Но что поделаешь, если сердце не умеет очаровываться и разочаровываться по желанию?

– Давай к делу, человек, – Брендалин говорила отрывисто, будто выплёвывая слова. – Говори, зачем пришёл, и уходи. Нечего тебе тут делать!

– А «тут» – это где?

Ответом ему стал залиvistый смех. Волшебные колокольчики зазвенели громче прежнего – казалось, что цветы и роса тоже потешаются над ним.

– Хочешь сказать, что ты даже этого не знаешь? В Волшебной стране, конечно. Это владения моей семьи, и я тебя сюда не приглашала. Кстати, у нас считается неприличным вторгаться в чужие сны.

– Ну, я не думал, что это будет общий сон, – смутился Элмерик.

– Вы, люди, никогда не думаете. Если тебе нечего больше сказать, уходи. Скажи своей деревенской простушке, пусть наколдует тебе отворот. Она ведь уже предлагала, да?

– Откуда ты знаешь?

– Так. Догадалась. Слишком уж хорошо знаю вашу противную натуру.

– Может, перестанешь оскорблять меня? – Элмерик вскочил на ноги, – Эльфы не настолько лучше людей, чтобы упоминать об этом постоянно!

– А что это у тебя? – Брендалин заметила веретено. – Как интересно... Дашь посмотреть?

– С какой это стати? Оно моё.

– Ты, наверное, решил оставить певческие чары и засесть за пряжу? Этому тебя учит Белый Сокол? Впрочем, он прав: на что ты ещё годишься.

Элмерик вдруг понял, что колкие речи совсем не задевают его. Ни одна из пущенных стрел не достигла цели, хотя эльфийка, видят боги, очень старалась.

– Откуда ты знаешь, чему мастер Каллахан учит меня? Подсматриваешь за нами? Завидуешь?

Брендалин вспыхнула и отвела взгляд так поспешно, что бард понял: он попал в самую точку.

– Для дядюшки своего шпионишь или по собственной воле?

– Замолчи! Ты ничего не знаешь. А то, что рассказали тебе Соколы, – неправда. Эльфы, конечно, не лгут, но ведь не все из них эльфы. А ты и рад уши развесить.

– Ну конечно! А то, что рассказал тебе Лисандр – непреложная истина! – он скрипнул зубами от ярости.

– Вообще-то я лишь недавно начала слышать его голос. Но всё, что было нужно, я узнала от матери. Так что, отдашь веретено? В знак нашей прежней дружбы и любви...

– Нет, – Элмерик мотнул головой. – Не знаю, зачем оно тебе, да и ты вряд ли скажешь. Но я тебе больше ничего не отдам.

Где-то высоко над головой послышался крик хищной птицы, и Брендалин глянула в небо.

– Опять! – она топнула ногой. – Не сны, а перекрёсток всех дорог...

Элмерик задрал голову, но увидел лишь чёрную точку, в очертаниях которой смутно угадывался птичий силуэт.

– Кто это?

– Сноходец, кто же ещё! Это тебе нужны ритуалы, чтобы прийти сюда, а некоторые рождаются с даром и ходят в чужие сны, как к себе домой. Небось, за тобой надзирателя послали.

– Ничего не понимаю. Какого ещё надзирателя? Кто послал?

– Ты что, не узнал эту птичку? Это же Шон О'Шэннон, правое крыло Белого Сокола, принц Неблагого двора, рыцарь Сентября и прочая, и прочая. Он может присниться кому угодно, в любом облике. Может наслать кошмар или избавить от кошмара. Представляешь, какую власть это ему даёт? Он мог бы владеть королевством людей, если бы захотел. Или отводить себе земли в Волшебной стране – даже то, что он лишь наполовину эльф, не мешало бы ему править. Но вместо этого он влечёт жалкое существование и выполняет любые прихоти командира – какая нелепая судьба! А знаешь, почему он никогда не снимает маску? Потому что уродлив, как жаба!

– Не тебе судить о том, чего ты не видела, дочь Алисандры, – ледяным голосом сказал рыцарь Сентября, тенью вырастая за её спиной. – Оставь в покое этого парня, и всех нас заодно. Иначе ты вскоре узнаешь, какие кошмары я могу насылать.

– Этот дурачок сам ко мне прибежал! – Брендалин, не оборачиваясь, вздёрнула подбородок. – Пускай остаётся. Мне пригодятся слуги.

Элмерик вдруг понял: ей страшно. Но эльфийка скорее умрёт, чем признается в этом. В воздухе пахло, как перед грозой. Все колокольчики зазвенели так фальшиво, что захотелось зажать уши. А ещё через миг наступила оглушительная тишина.

– Ты сильнее, – Брендалин побледнела, её дыхание сбилось. – Что ж, тем хуже для меня. Скажи: а моя мать громко кричала во сне, когда ты её мучил?

– Я её и пальцем не тронул, – ответил Шон, и бард каким то внутренним чутьём понял, что тот не врёт.

– Ещё скажи, она сама себя извела... Лжец! – Брендалин резко развернулась, и яростный порыв ветра взметнул её волосы. – Ты не один из нас. Сказанная ложь не выжжет тебя изнутри, не оставит неизгладимого следа на коже. Я не верю ни единому твоему слову, получеловек!

Тёмные глаза рыцаря Сентября стали почти чёрными.

– Алисандра умела ходить дорогами снов. После того, как её лишили магии, только этот путь остался ей открыт, и то не в полной мере. Мы часто виделись и разговаривали, пока сны не начали сводить её с ума... Но я тут ни при чём.

Брендалин закрыла уши ладонями:

– Я ничего не хочу слышать! Это неправда! Ненавижу Соколиный отряд! И Белого Сокола ненавижу! И рыжего мальчишку! А тебя, сноходец, больше всех!

Шон пожал плечами и глянул на Элмерика так, будто только что заметил его:

– Идём. Тебе здесь не место.

– Что вы все заладили «не место, не место»! – буркнул бард больше из чистого упрямства. – Я сам не знаю, где моё место! И не хочу, чтобы кто-то указывал мне, как жить!

– Желаете остаться с ней? – рыцарь Сентября кивнул на эльфийку (та, склонившись к земле, пыталась расшевелить грустно поникшие колокольчики). – Это можно устроить. Отдай ей веретено, и ты не сможешь найти обратную дорогу, даже если пойдёшь по моим следам. Проснёшься уже в её владениях. Люди, которые прислуживают эльфам, получают от своих господ в подарок долгую жизнь. Заманчиво, правда? Может, у тебя даже будут несложные обязанности – ты ведь можешь играть музыку на пирах. Лет через триста ты ей надоешь, и тебя вышвырнут вон, как сломанную вещь. Ты очнёшься дряхлым стариком, все твои друзья будут давно мертвы, и ты сам тоже вскорости обратишься в прах. Многие считают, что это невысокая плата за сотни лет жизни в волшебной стране. Не мне их судить, не мне указывать. Это твоя судьба. Решай, бард.

– Но я не хочу быть её слугой или её вещью! – ещё недавно эльфы и волшебная страна манили Элмерика, теперь же сама мысль о заточении в чужом краю, пускай даже полным чудес, была ему противна: разочарование оказалось слишком болезненным. – Я хотел просто погадать. Не думал, что это может быть опасно.

– Сны бывают разными. Некоторые ничего не значат, а от иных можно не проснуться вовсе. Гадание открыло пути, сердце потянуло тебя сюда, а Брендалин решила воспользоваться моментом. Кстати, что она тебе дала? Она не смогла бы следить, если бы не оставила часть своей силы в каком-нибудь предмете.

Элмерик замер, поражённый.

– У меня есть её платок.

Выходит, даже подарок был дан с умыслом? Хитрая эльфийская бестия ничего не делала просто так!

– Сожги, – посоветовал рыцарь Сентября. – Сразу же, как проснёшься. Ты идёшь?

Бард кивнул. Мастер Шон выставил вперёд ладони, и окружающий мир вдруг начал расплываться. Миг – и не стало ни зелёных бескрайних полей, ни цветов, ни изгородей. Вокруг вырос мрачный лес, но и кривые стволы вскоре растаяли в тумане, явив взгляду высокие горы, на вершинах которых лежал снег. Элмерик моргнул, и они уже оказались по колено в студёной воде. Быстрый ручей уносил вдаль мерцающие огоньки, в небесах над головой догорала алая полоса заката. Он моргнул ещё – и под ногами зашуршали яркие листья, а с серого неба закапал мелкий осенний дождь.

Элмерика казалось, что они вообще стоят на месте, меняется лишь мир вокруг. Веретено в руке было единственным, что связывало эти зыбкие сны с реальностью, и бард сжимал его в руке так крепко, как только мог.

Неудачное гадание очень беспокоило его, и он осмелился спросить:

– Мастер Шон, скажите: ведь эта встреча не означает, что мы с Брендалин предначначены друг другу и этого никак не изменить? Я должен был увидеть во сне того, с кем наши судьбы связаны неразрывно. И теперь я опасюсь... – он замялся, не зная, как продолжить.

Рыцарь Сентября насмешливо фыркнул из под маски:

– Меня ты тоже видел – и что? Не глупи, Элмерик, ты ещё не нашёл свой настоящий сон. Если хочешь, я могу помочь тебе отыскать его.

– Был бы весьма признателен, – поклонился бард. – И всё же... я вот чего не понимаю: Брендалин сперва не хотела со мной говорить, прогоняла даже. Потом вдруг пожелала оставить у себя. Чего она хочет на самом деле?

– Сейчас одного. Через миг – другого. Эльфы так устроены: они живут и думают иначе, чем люди, и их желания редко остаются неизменными. Сегодня тебя могут любить, завтра ненавидеть. Когда живёшь среди них, то быстро привыкаешь к переменчивости и перестаёшь

принимать это близко к сердцу. Ветер тоже часто меняется, но мы же не обижаемся на него, правда?

– А мастер Каллахан? Он тоже эльф, но я не замечал за ним подобного легкомыслия.

– Потому что он особенный, – даже под маской было видно, что рыцарь Сентября улыбнулся. – Но даже это не делает его человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.